

**Военные
Приключения**

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

Юлиан Семенович Семенов

Противостояние

Серия «Военные приключения (Вече)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42991082
Противостояние: Вече; Москва; 2007
ISBN 978-5-4484-7887-1

Аннотация

Издательство «Вече» в рамках популярной серии «Военные приключения» представляет проект по произведениям известного русского писателя Юлиана Семенова.

Остросюжетный политический детектив «Противостояние» посвящен работникам уголовного розыска МВД СССР. Следователь по особо важным делам полковник Костенко и его соратники, распутывая серию загадочных убийств, вступают в схватку с опасным и жестоким преступником, тайна которого скрыта в страшных событиях Великой Отечественной войны.

Содержание

Работа-I [Москва]	8
Ретроспектива-I	13
Работа-II [Магаран]	16
1	16
2	19
3	23
4	27
5	30
6	34
Ретроспектива-II	37
7	44
8	49
9	57
10	63
Ретроспектива-III [Март 1945 года. Бреслау, Витекамерштрассе, 5]	66
Работа-III [Москва]	74
1	74
2	81
3	82
Работа-IV [Магаран]	83
1	83
2	86

3	98
4	104
5	108
6	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Юлиан Семенов

Противостояние

© Семенов Ю.С., наследники, 2007

© ООО «Издательство «Вече», 2007

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

...Весна в том году пришла в Магаран поздно, лишь в конце мая. Снег остался лишь в кюветах и оврагах, пожелтевший, мокрый. Те, кто возвращался с Черного моря – загорелые, под хмельком еще, – только диву давались, заново понимая суровость природы своего края.

Ехал в маршрутном такси прилетевший из Сочи и младший научный сотрудник Алексей Крабовский, известный в Магаране тем, что отпуск свой он проводил не как все нормальные люди – жарясь на пляже, забивая «козла», совершая поездки на Ахун и в абхазскую «пацху», – а совершенно по-своему. Впрочем, он вообще был человек особый: носил парик, ибо начал рано лысеть, выучил латынь, переводил на английский стихи Андрея Белого, разрабатывал теорию «антиэнштейн» и по ночам, вдобавок ко всему, конструировал аппарат, который может определять золотые и серебря-

ные клады на глубине до десяти метров. С этим своим аппаратом, который весил двенадцать килограммов, он объездил Армению, Бухарскую область, Псковщину, ничего, конечно, не нашел, но не отчаивался и нынешний свой отпуск провел в горах Грузии, спустился потом к морю, проскучал два дня на пляже и улетел обратно в Магаран.

Относился Леша Крабовский к тому типу людей, которых неудачи не озлобляют вовсе; он подшучивал над собой, выбивая, таким образом, из рук сослуживцев грозное оружие подъялдыкивания; вел дневники своих путешествий, внес туда истории пяти задержаний милицией – заподозрили в нем шпиона, ночевать пришлось в отделении вместе с алкашами; записывал также диалоги – на пути его кладоискательства встречались люди самые неожиданные.

Диссертацию по эхолотам он защитил с блеском, и его научные руководители порадовались тому, как за последние три года в молодом ученом развилось качество, столь необходимое для исследователя, – невероятная, моментальная, что ли, наблюдательность.

Крабовский, гуляючи по скверу с девушкой и рассуждая о материях отвлеченных (сослуживцы полагали, что он к своим тридцати годам не потерял еще целомудрия), мог неожиданно заметить, прощаясь с очередной платонической пассией:

– На кусте, слева от памятника, сидела синица, которая в это время года здесь невероятна, – грядет кризис климато-

логии.

Вот он-то, Крабовский, тронул плечо шофера маршрутного такси и сказал:

– Остановитесь, пожалуйста.

Тот спросил двух других пассажиров:

– Никто больше по нужде не хочет?

– Я в связи с другим обстоятельством, – ответил Крабовский и, выскочив из «Волги», по-заячьи, через кювет, бросился к зарослям кустарника.

– Наверное, сильно прижало, – сказал шофер, закуривая. – Я после курорта всегда страдаю: маджари пью, вкусно, дешево, но кишки, говорят, разлагает.

Крабовский, однако, вина пил мало, кишки у него поэтому не разлагались: просто-напросто он увидал мешок, торчавший из желтого, мокрого снега, а страсть к поиску повелела ему изучить этот странный предмет.

Он опустился на корточки, принюхался – запах был сладким, незнакомым; аккуратно потянул за веревку, схватившую мешок странным узлом; истлевшая веревка легко поддалась, и Крабовский тонко закричал от ужаса...

Работа-I [Москва]

«Начальнику отдела уголовного розыска МВД СССР полковнику Костенко.

В шести километрах от Магарана, в двадцати метрах от обочины, в кустах стланика обнаружен полуистлевший мешок, в котором находятся части человеческого тела. Дальнейшим осмотром места происшествия, в направлении к городу, в сорока метрах от мешка с туловищем, голова и конечности которого были отчленены, найден сверток из мешковины, в котором оказались ноги и левая рука человека с татуировкой ДСК. Голова не обнаружена; в ходе поисков группой УУГР области найдена полуистлевшая офицерская шинель с погонами капитан-лейтенанта».

Костенко снял трубку телефона и сказал Ниночке из стенографического бюро:

– Хорошая, примите-ка телеграмму в управление кадров министерства обороны. Текст такой: «Прошу сообщить, не пропадали ли без вести офицеры флота в звании капитан-лейтенанта или же лица, уволенные по демобилизации в период с сентября прошлого года по май нынешнего». Подпись вполне разборчива. Вопросы есть?

– Нет вопросов, Владислав Николаевич, – ответила Ниночка, – с вами всегда все понятно.

– А у меня есть вопросы, товарищ полковник, – сказал новый заместитель, пришедший к Костенко на смену убитому Садчикову. Звали его Реваз Тадава, майор, молодой еще, тридцать четыре года, недавно защитился в Тбилиси, сразу пошел на повышение: начальник уголовного розыска страны был равнодушен к молодым сыщикам, отдававшим короткое время отдыха – истинному отдыху, а с его точки зрения таковым являлась наука. «Факт утомляет, – говаривал генерал, – в то время как абстракция позволяет мыслить категориями будущего. Нынешняя наука не наука вовсе, если она регистрирует прошлое, а не опрокинута в будущее. Кандидатская диссертация на тему «Практика работы профсоюзной организации города Н. в период с 1967 по 1971 год» не есть диссертация, а, наоборот, нечто приближенное к нормам поведения, попадающим под статьи уголовного кодекса».

– Какие же у вас ко мне вопросы? – спросил Костенко.

– Почему вы не сообщили про татуировку? ДСК – нитка. Возможно – имя, фамилия.

– А если это инициалы его подруги? Дина Саввична Кискина? Тогда что? Пусть сначала ответят – «да» или «нет», потом, по инициалам пропавших, станет ясно – подходит ли каплей¹ под наши признаки.

– Второй вопрос можно?

– Извольте.

¹ Каплей (сокр.) – капитан-лейтенант.

...Реваз постоянно чувствовал хорошо скрываемую антипатию шефа, и он был прав. Костенко не мог себя переломать; он привык к Садчикову, ему казалось просто-таки невозможным, что вместо его «деда» работает этот холеный красавец, хотя работает отменно, и жена – как у Садчикова – хирург, но она без ума от своего дипломированного мужа, а Галя своего Садчикова в грош не ставила, оттого-то и погиб старик, было б у него дома хорошо, не шастал бы один в поисках Пименова по лесам Подмосковья, поручил бы молодым ребятам, те стараться рады, романтика и все такое прочее, преступник вооружен, премия будет, а глядишь, и медаль схлопочешь, если все красиво подать в рапорте. Костенко, впрочем, понимал, что отношение его к заместителю неверное, он казнил себя за это; неуправляемость чувств казалась ему самым дурным человеческим качеством, ибо он любил людей и всегда шел к ним с открытым сердцем; иногда Маша говорила ему: «Для тебя плохих людей не существует, разве так можно?» Он сердился, отвечал, что он плохих людей ловит и сажает в тюрьму, а что касается остальных, то лучше ошибиться в человеке потом, чем не верить ему с самого начала. Однако Садчиков постоянно стоял перед глазами, «дед», с которым прошли десять лет жизни, такое не забудешь, и Костенко, злясь на себя, понимая, что ведет он себя неверно, был тем не менее с Ревазом холоден, ироничен и подчеркнуто вежлив. А над «дедом» подшучивал, порой зло, простить себе этого не мог... «Нет отчима, и бабка

умерла, спешите делать добрые дела».

Садчиков эти строки Яшина любил, он арестованному яблоки давал, печенье. «Слава, – говорил он, отвечая на недоумевающий взгляд Костенко, – ты пойми, всякое добро окупается сторицей. Может, этим яблоком ты в звере человека достанешь, стыд в нем найдешь, так он потом твою дочку в подъезде не зарежет, ей-богу...»

– Второй вопрос сводится к тому, Владислав Николаевич, – продолжал Тадава, – что вы, мне сдается, несколько своенравно определили время исчезновения ДСК. Почему начиная с сентября? В сентябре еще жарко.

– Это на Пицунде в сентябре жарко, – ответил Костенко и покраснел оттого, как нехорошо он ответил, – а в Магаране уже пороша сыпет. – И, чтобы как-то смягчить плохой ответ свой, добавил: – Так-то вот, дорогой мой Реваз...

Он видел, что Реваз обижен; перед Садчиковым бы извинился, сказал: «Не сердись, дед», – а тот бы вздохнул, как конь, и ответил: «Разве на начальников в наше время сердятся?»

Костенко снова снял трубку и попросил стенографистку Нину:

– Красивая, тут мне Реваз Григорьевич хорошо подсказал: добавь в телефонограмме после слов «офицеры флота» – «в Магаране или на всем Дальнем Востоке». Ладно?

– За что вы меня так не любите? – пожал плечами Тадава. – Право, понять не могу.

– Не сердитесь, Реваз, – ответил Костенко. – Просто я очень помню Садчикова. Это в традиции у русских – до конца любить того, кто был рядом с тобою. У нас коли уж любят – до конца.

– Во-первых, вы не русский, – мягко улыбнулся Тадава, – а украинец, а во-вторых, мы, грузины, отличаемся точно таким же качеством. И наконец, в-третьих, пожалуйста, поскорее ко мне привыкайте, а?

– Я постараюсь, – пообещал Костенко. – А вы запросите службу: кто – по месяцам – обращался к нам в связи с пропажей родственников?

Офицеры флота не пропадали, демобилизованные тоже; человек с инициалами «ДСК» никем в стране не разыскивался.

И Костенко вылетел в Магаран.

Ретроспектива-1

«237/3

Сов. секретно.

Только для верховного командования

2 экз. Фельдмаршалу Кейтелю

Записка

В связи с завершением в Праге работы созданного с согласия рейхсфюрера СС «Комитета освобождения народов России» возник вопрос о срочном довооружении отрядов генерала Власова и придания их войскам СС для введения в борьбу против русских на Восточном фронте.

Однако рейхсфюрер высказался в том смысле, что борьба цвета германской нации – людей СС – совместно со славянами может породить такие инциденты, которые были бы крайне нежелательны во фронтовой обстановке. Войска РОА, мусульманские подразделения, принявшие программу, подготовленную в Берлине и провозглашенную А.А. Власовым, а также украинские части, доказавшие свою искренность в карательных операциях против большевиков, целесообразно придать соединениям вермахта, проработав этот вопрос с руководителями фронтовой разведки, подключив к изучению проблемы

как офицеров “1-А”, так и “1-С”².

Рейхсфюрер СС ожидает ответа ОКХ³ в течение ближайшей недели.

Хайль Гитлер!

Карл Вольф, СС обергруппенфюрер».

«Строго секретно!

СС обергруппенфюреру Вольфу.

452–17/44

Экз. № 2

Обергруппенфюрер!

Поскольку проект ответа фюреру поручен фельдмаршалом начальнику разведотдела “Армии Востока” генералу Гелену, его соображения сводятся – в порядке предварительных прикидок – к следующему:

а) войска РОА, украинские части Мельника и мусульманские подразделения, объявившие священную войну “мусават” идеологии коммунизма, должны быть укомплектованы не только агентурой гестапо, но и подчиняться СС;

б) в свое время генерал Гелен передал в СД формуляры на 3000 завербованных им агентов из числа власовцев и мельниковцев – для проверки и перепроверки; именно эти люди – помимо сотрудников СД – были бы вполне верными информаторами в частях Власова, Мельника и Ходаяра, и всякая попытка неискренности со стороны тех, кто вступил в

² «1-А» и «1-С» – подразделения армейской разведки.

³ ОКХ – генеральный штаб вермахта.

движение не по собственной воле, но желая избежать тягот в лагерях военнопленных, была бы мгновенно зафиксирована осведомителями;

в) в управлении криминальной полиции РСХА есть картотека на 948 сторонников Власова, которые были арестованы крипо⁴ за уголовно наказуемые деяния – драки, пьянство, мелкое воровство.

Генерал Гелен полагает, что эти лица, осужденные к заключению в лагерях на срок от года до трех лет, могли бы пополнить отряд осведомителей, поскольку именно они зарекомендовали себя людьми, преданными идеям фюрера, выполняли задания сотрудников генерала Гелена и попали в тюрьму незлоумышленно, а по свойству славянского характера – чрезмерное употребление алкоголя и потеря – после этого – здравого смысла. Сотрудники генерала могли бы дать исчерпывающие характеристики этим людям, если управление криминальной полиции РСХА сочтет возможным прислать формуляры – с фотографиями и дактилоскопическими таблицами – это значительно ускорит подготовительную работу аппарата генерала Гелена.

Хайль Гитлер!

Дитер Зепп, СС штандартенфюрер».

⁴ Крипо – уголовная полиция в нацистской Германии.

Работа-II [Магаран]

1

Резкий звонок разбудил Костенко уже под утро. Мест в гостинице не было, и он остался ночевать в кабинете начальника угрозыска Магарана. В окнах еще было сумрачно, тяжелый серый туман поднимался от реки, клубился он так, словно кто-то невидимый разгонял его веслом.

«Почему именно веслом? – подумал Костенко. – Наверное, зорьку, особенно такую туманную, я всегда воспринимаю через безногого егеря Анатолия Ивановича с Мещеры, через тишину озера и весло в его сильных руках...»

– Алло, товарищ полковник, добрый вечер, это Тадава тревожит.

– Это вам добрый вечер, а здесь уже рассвет.

– Ну?! У нас темень, дождище зарядил, что твоя осень... Так вот, Владислав Николаевич, хотя из флотских никто не пропал, но в этом году скончались два офицера: Дашков Семен Карпович и Данилевский Сергей Константинович.

– Звания у них какие были?

– Один капитан первого ранга, а второй кавторанг.

– Где служили?

– На Дальнем Востоке ни разу не были.

– Сыновья у них есть?

– Этим я тоже поинтересовался. Один холостяк; у двоюродной сестры есть племянник, работает в Софии, от автозавода. У второго два племянника и четверо племянниц, дочь и приемный сын. Приемный сын в настоящее время отдыхает в санатории Академии наук под Москвой. Доктор наук.

– Спасибо, – буркнул Костенко, – привет всем нашим.

– А как у вас дела? Ничего пока не проясняется?

– Дела – мрак и туман. Плохи дела. Совсем плохи, – и, положив трубку, Костенко заново пролистал «План мероприятий».

План этот был составлен вчера, сразу после прилета. Костенко рассчитывал получить первые новости дня через два. Он ошибся. Первая новость пришла сразу же после разговора с Тадавой.

«Рапорт. Мною, участковым инспектором младшим лейтенантом милиции Горошкиным В.Д., проведены беседы с лицами, проживающими в непосредственной близости (радиус десять километров) от места обнаружения расчлененного трупа. Большинство опрошенных никакой информации, относящейся к интересующему нас делу, не дали. Однако Александров Матвей Прохорович сказал, что осенью, вернее, зимой, но еще до метелей, к его соседям Загибаловым приходил незнакомый мужчина в состоянии опьянения и с двумя чемоданами. Однако потом он больше не появлялся, а Загибалов жену из дома прогнал на

целый день, а после этого напился пьян и, буянив, пел нецензурные песни».

«Полковнику Костенко.

На Ваш запрос сообщаю, что Загибалов Григорий Дмитриевич, 1935 года рождения, уроженец села Знаменки, Никольского района, образование неполное среднее, дважды судим за бандитизм, в настоящее время работает на мясокомбинате.

Старший лейтенант милиции Вараксин».

2

Костенко оглядел лица участников оперативной группы, созданной руководством угрозыска Магарана, – молодые все, здоровьем налиты.

«А уже я себя чувствую стариком, – отметил Костенко. – В сорок-то восемь лет».

В прошлом году он ездил на конгресс юристов в Рим и видел в аэропорту группу американских туристов: ни одного человека моложе шестидесяти не было. А у бабушек – лет семидесяти – глаза, как у коршунов, блистали, когда мимо проходили лениво развинченные мальчишки-итальянцы. Спутник Костенко пояснил, словно бы поняв полковника: «Стервецы дерут пятьдесят долларов за сорок минут удовольствия – плати, бабка, не грехи».

– Ну что ж, товарищи, – сказал Костенко. – Загибалов – интересная версия. Будем ее работать. А еще? Я не очень верю в одну лишь версию. Я люблю, чтоб их много было, как в магазине обуви, когда продают наши ботинки – выбирай, не хочу, только не покупает никто.

Сыщики переглянулись: смел полковник; ясное дело, москвич, начальник отдела, этот может резать правду-матку, вышучивать, что хочет, да в общем-то и правильно – на критику в первую очередь имеет право тот, кто состоялся, добился своего от жизни, не из-за угла же шипит.

– Разрешите, товарищ полковник? – поднялся майор Жуков.

– Да вы сидите, в ногах правды нет...

– Спасибо. – Жуков, однако, садиться не стал. – Наши оперативные группы провели определенную работу. Итоги. Установлено, что в заброшенном бараке, – он кивнул на карту, – в семистах метрах от того места, где обнаружен труп, собирались неизвестные мужчины, пили, играли в карты. По слухам, один там всех обыграл, была драка, и, как сейчас говорят, его убили.

– Дом осмотрели?

– Так точно.

– Что-нибудь нашли?

– Нет. Ни бутылок с пальцами, ни окурков, ни следов крови – будто кто специально все прибрал.

– От кого поступил сигнал?

– От Потановой.

– Сколько лет ей?

Сыщики переглянулись. Жуков усмехнулся:

– Семьдесят шесть.

– Сигнализирует часто?

– Да уж. Почитай, каждый месяц пишет.

– Подтвердилось что-нибудь?

– Нет.

– Проверяли ее сигналы тщательно?

– Как положено.

– Так, может, хватит проверять? Маразм, может, у старухи?

– Вы ж сами нам голову и отвернете, – осмелев, сказал Жуков. – Поди, не ответь на сигнал гражданина...

– Отвернем, если глупо ответите. С головой надо отвечать, – и нам и старухе, – а людей от дел отрывать стоит ли? И так мы время ценить не умеем, сколько его попусту тратим, а каждая минута имеет товарную стоимость. Так что оставим версию старухи про запас. Что еще?

– Выяснены имена всех пропавших без вести.

– Сколько их?

– Трое.

– «ДСК» по инициалам есть?

– Нет. Пропали Лазарев, Мишин и Курдюмов. Ни одного Сергея и Дмитрия среди них нет.

– Ну и что?

– Работаем.

– А как дела у науки? Что-нибудь с пальцев убитого получить можно?

– Пока нет. По формуле Пирсона пришли к выводу, что покойник был невысок ростом – сто семьдесят один сантиметр, обувь носил сорокового размера. Никаких характерных признаков, свидетельствующих о личности убитого или роде занятий, установить не удалось.

– Пока не удалось или совсем не удалось?

– Совсем не удалось, – ответил Жуков. – Эксперты быют-

ся с пальцами, может быть, удастся вытянуть на дактилоскопию...

– Думаете, был судим?

– Думаю, товарищ полковник. Иначе откуда флотская форма, если никто из моряков не пропадал?

– Думаете, подбросил убийца, чтоб нас с толку сбить? Возможно такое?

– Судя по тому, что Загибалов работает на бойне и знает, как расчленять туши, был судим, позволяет предположить, что его навещал человек именно с уголовным прошлым.

– Когда получили данные, что он по профессии разделщик туш?

– Перед началом совещания.

– Чего ж с этого не начинали? – раздраженно спросил Костенко, поднимаясь.

– Если б с этого мы начали, кончать было б нечем, – ответил Жуков, тоже раздраженно. – И два чемодана у него стоят, от того самого гостя.

– Прокуратуру поставили в известность?

– Прокуратура в обыске отказала.

– До того, как вы установили там чемоданы?

– До.

– Сейчас должна дать санкцию. Едем к ним, думаю, выпросим.

– Дай-то Господь, – ответил Жуков, пропуская Костенко перед собой.

3

– Погодите, Загибалов, погодите... Я про Фому, а вы про Ерему, – Костенко поморщился, неторопливо закурил. – Вы мне толком ответьте: чьи это чемоданы и что в них лежит?

– Так я ж десятый раз отвечаю: чемоданы моего дружка по колонии, вместе чалились, а что в них – не знаю.

– «Дружок», «не знаю»... Это ж детский лепет, Загибалов, вы кодекс знаете не хуже меня... Как дружка зовут?

– Не знаю.

– Как же вы с ним общались, с дружком-то?

– Так кличка у него была.

– Какая?

– Нескромная.

– Здесь женщин нет.

– Матерная была кличка.

– Значит, как зовут его – не знаете?

– Не знаю, как перед Богом – не знаю.

– А в чемоданах что?

– Откройте да посмотрите.

– Товарищ полковник, – Жуков стоял на пороге комнаты, – вы в коридорчик выгляньте. А ты сиди, сиди на месте, Загибалов, сиди и не прыгай.

Костенко вышел в коридор, где стояли понятые и еще три милиционера.

– Вот, – сказал Жуков, – кровь, товарищ полковник. И на полу, и на обоях. Кровь, чтоб мне свободы не видать.

– Хорошо говорите, – усмехнулся Костенко. – Красиво.

– Так ведь всю жизнь с урками... Иной раз жене говорю, словно на этап отправляю: «Шаг влево, шаг вправо считаю побегом». Так что прошу простить. Обрадовался я, поэтому и заговорил приبلатненно: кто б стал на эти бурые пятна внимание обращать – кухня на то и есть кухня, чтоб в ней мясо разделывать.

– Давайте-ка вырежем кусок обоев, товарищ Жуков, – сказал Костенко. – И выпилим эту часть кадки – на ней тоже вроде бы кровь, а?

– Нет. Не кровь, – убежденно сказал Жуков. – Это у нас с Кавказа привозили гранатовый сок, все на нем помешались, чтоб пищу заправлять, потому как витамин. Я его цвет от крови сразу отличу.

– Значит, выпиливать кадку не будем?

– Не надо, товарищ полковник, и так дел невпроворот... А вот здесь... Ну-ка, ножку стола поднимите... Еще выше... Новиков, помощи, чего рот разинул?! Нагнитесь, товарищ Костенко, ко мне нагнитесь... Вот здесь кусок пола выпилить надо – это уже точно: кровушка.

Вернувшись в комнату, Костенко сел рядом с Загибаловым, придвинулся к нему, тронул за колено – тот неторопливо отодвинулся:

– Не надо, полковник, вы мне дружбу не вяжите, все равно

не ссучите.

– Неумно отвечаете, Загибалов, потому как раздражено – с одной стороны, а с другой – страх в вас вижу. А бояться только те, кто чувствует за собою вину.

Загибалов странно усмехнулся, сокрушенно покачал головой:

– Иные с рождения страх чувят, с кровью передалось.

– Историей увлекаетесь?

– А чего ей увлекаться-то? Куда ей надо, туда и пойдет; не жизнь, а сплошная автоматическая система управления.

Тут пришла очередь Костенко усмехнуться – он начал испытывать интерес к этому громадному человеку, в маленьких стальных глазах которого была видна мысль, как он ни старался играть дурачка – тюремная, видимо, привычка; вторая натура, ничего не поделаешь; дурачку порою живется легче, особенно в рудных ситуациях.

– Чемоданы не вскрывали, Загибалов?

– Не имею привычки в чужой карман заглядывать.

– Хорошая привычка, – Костенко обернулся и попросил милиционера, стоявшего на пороге: – Пригласите, пожалуйста, понятых.

В чемодане было барахло: поношенная кожаная куртка, ботинки, носки, две пары брюк, меховая безрукавка; в кармане этой-то безрукавки Костенко и нашел профсоюзный билет на имя Дерябина Спиридона Калиновича. ДСК.

Костенко поднял глаза на Загибалова:

– В какое время Спиридон от вас ушел?

– Ночью.

– Зачем скрывали, что знаете его имя?

– А я и...

– А я и... – передразнил его Костенко. – Откуда он приехал?

– Не знаю.

– И фамилии не знаете?

– Ну Дерябин.

– А молчали...

– Я-то завязал, а он, может, в бегах.

– «Может» или наверняка?

– Про такие вещи впрямь не говорят, ждать надо, пока сам решит открыться.

В комнату заглянул Жуков:

– Товарищ полковник, вас Москва требует.

Костенко поднялся:

– Я скоро вернусь, Загибалов. Подумайте, может, есть резон самому сказать правду. Это не милицейские фокусы – это закон: признание облегчает участь.

– Слыхал, – ответил Загибалов. – Как же, как же...

– Когда жена придет с работы?

– У ней сегодня вечерняя смена, поздно придет.

– Адрес какой?

Жуков, усмехнувшись, откликнулся:

– Мы знаем, товарищ полковник.

4

Из Москвы звонил Тадава.

– Владислав Николаевич, – сказал он, – я посидел в нашем музее и откопал два любопытных документа.

– Давайте, – ответил Костенко, закуривая.

– Первый документ военной прокуратуры: в марте сорок пятого года в районе Бреслау, в нашей прифронтовой зоне был обнаружен мешок с расчлененным туловищем. Головы не было, как и в нынешнем эпизоде. Около места преступления нашли морской бушлат и бескозырку. На внутреннем ободке бескозырки полуисчезнувшие буквы, которые давали возможность предположить, что образовывали они имя и фамилию убитого.

– Записываю.

– Первая буква просматривалась явственно – «М». Затем пропуск двух или трех букв, затем «и», потом предпоследняя буква – либо «п», либо «к». Скорее «н», хотя тут со мной не соглашаются.

– Немного, а?

– Все же есть первая буква.

– А имя?

– Странное.

– Диктуйте.

– Заглавную понять нельзя. Вторая и третья – «и», «ш».

– Миша? Гриша? Никифор?

– Почему «Никифор»?

– Никита – если уменьшительно.

– Нет, не выходит. Предпоследняя буква «н».

– Значит, «Мишаня» или «Гришаня», – убежденно ответил Костенко. – Начинайте копать всех пропавших «Михайлов» и «Григориев». Как я понимаю, дело так и повисло?

– Совершенно верно, Владислав Николаевич.

– Из улик ничего не осталось?

– Остались два пальчика. Я заново поднял все архивы: ни до войны, ни после Победы человек с такой дактилоскопией не проходил.

– Но обстоятельства по почерку похожи: Бреслау и Магаран?

– Очень.

– Фронт в марте сорок пятого был уже в Германии...

– Именно так...

– Засадите пока что в компьютер имеющиеся буквы, попробуйте получить предположительный ответ. Наверное, получите семьдесят, сто вариантов имен и фамилий. Свяжитесь с военным архивом – вам подскажут, как убыстрить поиски по Бреслау. Это интересное сообщение. Что по второму вопросу?

– Второй документ на Загибалова. Я запросил колонию, где он отбывал срок. Среди полученных данных – пока еще приблизительных – я уцепился за тот факт, что он был мя-

созаготовителем...

– То есть – как?

– Начальник колонии отправлял его во главе бригады охотников в тундру, осенью и весной, когда не было подвоза по суше, зыбь, даже вездеходы не проходили, – отработать лицензию на оленей. Он был хозяином фирмы, что называется: и охотником, и разделщиком; кличка у него была «Загни и отчлень».

– Не понимаю...

– От слова «расчленять», Владислав Николаевич.

– Фамилии людей из его бригады не установили?

– Почему же? Установили.

– Дерябина среди них не было?

– Это – помощник его. Спиридон Натанович Дерябин, по кличке Простата.

– Запросите всех его родных и знакомых: где он сейчас находится и кто видел его в последний раз?

– Уже запросил. Мать, в частности.

– Ну?

– Последний раз он написал ей в октябре, сообщил, что освободился, скоро приедет в гости. С тех пор писем не было, сам не появлялся.

– Откуда писал?

– Из Магарана. Обратного адреса нет, «до востребования».

– Спасибо. Очень интересно все это. Спасибо еще раз.

...Заглянув к прокурору с предварительными данными экспертизы – там его уже ждал старший следователь Кондаков, – Костенко в дом Загibalова не поехал, а попросил шофера отвезти на фабрику, где работала его жена.

...В кабинет начальника отдела кадров вошла маленькая, красивая женщина с большими, широко поставленными серыми глазами – это было главным во всем ее облике; именно глаза организовывали лицо, делали его мягким, доверчивым, открытым.

«Где же я ее видел? – подумал Костенко. – Странно, я ее недавно видел».

Вспомнил: при входе на фабрику, на стене, была доска Почета. Портрет женщины был третьим справа во втором ряду.

– Здравствуйте, – ответила женщина, и зрачки ее расширились, отчего глаза из серых превратились в прозрачно-зеленые. – Что-нибудь случилось?

– Это я хочу спросить, что случилось, когда к вам приезжал Спиридон? – огорошил ее неожиданным вопросом следователь Кондаков.

«Ничего врезал, – отметил Костенко, – без игры, силки не ставит, сразу карты на стол, молодец».

– Какой Спиридон? – растерянно спросила женщина.

– Мужнин поделец, – лениво и всезнающе сказал Конда-

ков, всем своим видом показывая, что ложь он слушать не намерен, ибо все ему наперед известно.

– А ничего не случилось. Посидели, выпили...

– Ночевал Спиридон у вас?

– Нет, ушел.

– Когда?

– Ночью.

– К кому?

– А я почему знаю?

– Друзья у него в Магаране есть?

– Не интересовалась, – ответила женщина.

Начальник отдела кадров кашлянул в кулак:

– Загибалова, ты ударница коммунистического труда, не говори лжи.

– Он красивый? – спросил Костенко.

Женщина покраснела:

– У меня свой мужик есть.

– Это я понимаю, – согласился Костенко, – просто интересуюсь вашим мнением.

– Да так, из себя видный, – ответила женщина, – глаза цыганские, жгучие такие...

– Да при чем тут глаза? – включился начальник отдела кадров. – Ты опиши, внешние признаки дай...

«Не нужны нам внешние признаки, – досадливо подумал Костенко. – Экий ведь стереотип мышления, насмотрелись “знатоков” и мнят себя юристами. Мне важно, чтоб она про

глаза Спиридоны рассказала, про его запах – женщина на запах локаторна, некоторые мужчины вкусно пахнут – чуть-чуть горького одеколона, даже “шипр” сойдет, коли с водою, – и сила, у нее особый, свой запах, не расчлененный еще химиками на составные части. Ладно, пусть он ее отвлечет, тоже не вредит, сплошные “кошки с мышками”, сам себе противен делаешься, не человек, а Макиавелли. Хотя Федор Бурлацкий доказал, что Макиавелли – совсем не так плохо; что ж, каждому политику свое время, разумно».

– Внешне я не опишу, – продолжала между тем Загибалова, – у него родинок никаких не было, одна только маленькая на щеке, возле морщинки...

– Это хорошо, что про родинку помните, – включился Костенко, – но тут что-то не вяжется у нас с вами: родинка родинкой, а отчего друг ушел ночью в никуда? Ни друзей нет, ни знакомых, такси не сыщешь, до города пять верст, мороз...

– Пьяный был, поэтому и ушел. Пьяному мужику невесть что в голову взбрести может...

– Это верно, – сразу же согласился Кондаков, – но только зачем уходить, а чемоданы оставлять? И полгода за ними не возвращаться? Сколько денег было в чемоданах?

– Много, – ответила женщина, нахмурившись, – он пачки три вытащил, по карманам рассовал...

– Это когда муж его провожать пошел?

– Нет, это когда они выпивать начали.

– А когда у них драка началась? – спросил Костенко тихо.
Женщина снова вспыхнула:

– Не было у них драки. Поспорили промеж собой – и все...

– Загибалова, не говори ложь, – снова посоветовал начальник отдела кадров, – товарищ полковник прилетел из Москвы.

– А если бы я был отсюда – врать можно? – усмехнулся Костенко.

Женщина опустила лицо в маленькие, красивые, хоть и в машинном масле, руки.

– Набедокурили – вот и отвечай, – снова прорезался кадровик. – Нечего, понимаешь...

– Вы мужа подозреваете? – спросила Загибалова.

– В чем? – Кондаков подался вперед. – В чем мы его можем подозревать?

– Ничего я не знаю! Не знаю! – заголосила вдруг женщина высоким голосом, и этот ее плач странно диссонировал со всем ее обликом – вполне современная женщина, молодая, даже в рабочей ее одежде был вкус, современный вкус, а здесь был вопль – так мужиков на войну деревенские бабы провожали.

– Вас сейчас отвезут в прокуратуру, – сказал Костенко, – и допросят. Советую говорить правду. Ждите здесь, за вами подойдет машина.

6

– Загибалов, этот гражданин – старший следователь прокуратуры, Кондаков Игорь Владимирович.

– Значит – сажаете?

– Сажаем, – согласился Кондаков.

– Произвол, – сказал Загибалов. – Препим временем пахнет.

– Ознакомьтесь с экспертизой, Загибалов, – сказал следователь Кондаков. – Следы крови на мешковине, в которую был завернут труп, и кровь с обоев на вашей кухне относятся к одной группе.

– Чего, чего?!

– Читать умеете? – спросил Костенко.

– Если напечатано – умею.

– Напечатано, – Костенко протянул Загибалову несколько страничек с машинописным текстом.

– Вы, конечно, слыхали, что на трассе, неподалеку от вашего дома, обнаружили расчлененный труп?

– А у Коровкиной тещи бык околел... Мне-то что?

– Какой бык? – не понял Кондаков. – При чем тут теща?

– Это я выражаюсь так, гражданин следователь. У каждого человека своя должна быть система обращения... Нашли труп – хороните. Меня зачем тянуть не по делу?

– Загибалов, – негромко сказал Костенко, – или вы отпе-

тый злодей, или чистый в этом деле. Вы меня послушайте внимательно, вы меня только не перебивайте, вы помолчите, покуда я стану говорить. Кровь на мешке, где лежал убитый, и кровь на кухне – одной группы. Это улика, Загибалов. На расчлененном трупе есть татуировка – ДСК. Вашего подельца звали Дерябин Спиридон Калинович. Это вторая улика.

– Косвенная. – Загибалов с потугом зевнул и задумчиво спросил: – А третье что есть?

– Третьего не дано, – усмехнулся Костенко.

– Про это мы проходили, – сказал Загибалов.

– Где? – поинтересовался Костенко.

– В камере пахан был... Философ... Он – просвещал...

Кому там и не дано третьего, а вы меня без этого самого-то третьего не сломите.

– Есть третья улика, – снова включился Кондаков и положил на стол заключение эксперта. – Неизвестный убит и расчленен человеком, имеющим навыки в этой работе...

– Убивать, что ль?

– Расчленять, – пояснил майор Жуков. – Не надо себя так держать, Загибалов... Положение твое сложное, я бы на твоём месте подумал серьезно, как отвечать...

– Вы бы на моем месте ходили на свободе. А поскольку я чалился, чтоб вокруг не случилось, все равно буду под подозрением. И думать мне нечего. Это вам надо думать и доказывать. Мне – на нарах лежать.

– Откуда кровь на кухне? – спросил Костенко.

Загибалов долго молчал, потом растер лицо мясистой ладонью и ответил:

– Бабу бил. Банкой по темени, чтоб со Спиридоном не гуляла.

– С Дерябиным? – спросил Жуков.

– Ну... Я его встретил, как брата, вина купил, а он потом к бабе полез под подол. А та – вроде бы и не ей под подол лезут. Ему – на порог, от позору, а ее – воспитал.

«...Сначала мужчины сидели в комнате и пили. Я слышала на кухне, что муж настойчиво советовал что-то “отдать власти”, а неизвестный, с цыганскими глазами только смеялся. Когда я вошла со сковородкой, на которой была жареная картошка с луком и салом, при мне мужчины ни о чем не говорили, только пили. Потом неизвестный стал оказывать мне внимание, а муж его за это выгнал, а меня избил на кухне, за что я на него не обижена. Сколько денег спрятал в карманы неизвестный, точно сказать не могу, но в толстых пачках были сторублевые бумаги. С моих слов записано правильно.

Загибалова Р.П.»

Ретроспектива-II

Ночью Кротов почувствовал на своем плече чью-то руку. Проснувшись, он не сразу открыл глаза; несколько мгновений раздумывал, что бы это могло значить, – годы службы в диверсионной группе РОА приучили ко всякого рода неожиданностям; немецкая тюрьма – тоже, а здесь и вовсе концлагерь, всего можно ждать.

«Вчера вроде б все было в порядке, – быстро думал он, – да и вся неделя прошла нормально. А что я сказал Рыжему? Я сказал, что погибать надо с музыкой, а лучше не погибать, а обзавестись. Он спросил, что значит “обзавестись”, и в глаза мне не смотрел, поэтому я сказал, что обзавестись надо ножами, чтоб большевиков резать тогда, когда патроны кончатся. Может, они мне сейчас клеить станут, что я клеветал на экономическую мощь рейха? Отвечу, что я имел в виду патроны в моем мешке, а не на заводах Германии».

Он сыграл испуг, *взметнулся* на койке, но рука еще сильнее жала его плечо: над ним стоял офицер в черном.

«Ну, точно, сейчас поволокут, – понял он. – Где ж я что мог ляпнуть-то, а?»

– Одеваться? – спросил Кротов шепотом.

Черный кивнул:

– Только тихо, чтобы не разбудить соседей...

И вышел из блока.

...В комнате лагерного коменданта было трое: тот, в черном, один в форме зеленых СС и один в штатском. Штатский заговорил на хорошем русском:

– Мы пригласили вас потому, что верим вам. Тот досадный инцидент, который имел место быть год назад, забыть. Согласны подписать бумагу, которая гласит, что вы будете расстреляны на месте за разглашение тайны, в которую вас посвятят?

– Я такую бумагу подписывал, когда меня к большевикам первый раз забрасывали, и здесь, в лагере, подписывал.

– Вас забрасывала армейская разведка, здесь вы работаете на гестапо, а сейчас вы приглашены СД.

– Спасибо за доверие...

– Итак, вы готовы?

– Готов... Только интересуюсь, что за дело, если оно еще одной такой бумаги требует?

– Вы что, еврей, Кротов? – спросил тот, что был в зеленой форме СС. – Только жида так торгуются. Это недостойно человека, которому позволено связать свою судьбу с рейхом.

Кротов спросил:

– Где бумага?

Штатский открыл папку, достал оттуда листок с приколотой фотографией Кротова, подвинул ему, протянул перо. Кротов машинально отметил, что «Монблан», если с золотым пером, стоит семьдесят марок, большие деньги; подписал, не читая, тем более что они со своим готическим шриф-

том совсем озверели, это у них Розенберг сказал: «Каждый немец должен писать лишь готикой, это угодно нашему национальному духу, это отличает нас ото всех других европейцев, это старина и традиция, а нация вне традиций утрачивает самое себя».

Штатский подвинул себе листочек, достал из другой папки лист бумаги, где был крупно выпечатан образец подписи Кротова, сравнил, удовлетворенно улыбнулся, спрятал обе бумажки в третью папочку:

– А теперь пройдите в ту дверь, там вас ждут...

За металлической дверью, в комнате, сидел небольшого роста человек, тоже в черном; дымчатые очки закрывали его и без того маленькое лицо, сморщенное болезнью.

– Здравствуйте, Кротов, садитесь, – сказал он с чуть заметным акцентом.

Кротов оглянулся – стула в комнате не было. Собеседник словно бы и не заметил этого, продолжал:

– Вы удостоены большой чести, Кротов, чести и доверия рейха, запомните это. Излагаю суть дела: великий фюрер германской нации Адольф Гитлер издал приказ о тотальной эвакуации всех тех районов – особенно в Восточной Пруссии, – где возможны прорывы большевистских десантов. Ясно, что долго они там не задержатся, однако возможность десанта мы, исповедующие правду, не исключаем. Получены сведения о концентрации большевиков на границе, о готовящемся ими ударе. По нашим сведениям, далеко не все жи-

тели деревень и городов подчинились приказу фюрера: ими движет алчность и трусость, страх расстаться со своей скотиной, а это – преступление перед рейхом, ибо вместо выжженной земли большевики получают теплые дома и парное молоко. Люди, не подчинившиеся приказу фюрера, перестают быть немцами, они становятся для нас недочеловеками – вам понятно значение этого слова, надеюсь?

– Понятно.

– Таким образом, вы до конца оценили высокую принципиальность фюрера, если покарать арийцев поручено вам, славянину?

– То есть как?

– Двадцать человек – из формирований Власова – будут переодеты в форму красноармейцев. Вместе с вами пойдут два моих офицера. Вы должны будете зверски вырезать, – отчеканил черный, – всех тех, кто ослушался приказа фюрера. Я развязываю вам руки: женщины – ваши, часы – ваши, золотые кольца – ваши. Ни один человек не должен остаться живым в той деревне, куда вас забросят.

– А потом? – охрипнув от внезапного страха, спросил Кротов.

– Вы правильно поставили вопрос. Нет, вас не уничтожат, чтобы на месте получить «доказательство красных злодеяний». Именно вас не тронут. И трех ваших спутников, которые станут командовать пятерками. Вы же – вы и трое ваших коллег – будете ходить из дома в дом и там, на месте, лик-

видируете своих людей по мере того, как они завершат свою работу. После этого эвакуируетесь на двух мотоциклах в тот пункт, который известен лишь моим офицером.

– А ваши офицеры ликвидируют нас, как мы – людей из своих пятерок?

– Вы еще более правильно поставили вопрос, Кротов. Не поставь вы этот вопрос, я бы приказал вновь изолировать вас, потому что понял бы вашу неискренность и желание перебежать к красным из немецкой прифронтовой деревни. Дело заключается в том, что мы придаем вам пять человек, которым мы верим. Да, да, верим... Однако они, в силу своих умственных способностей, лишь компрометируют нас своим сотрудничеством. Понятно? Вы ведь встречали в тюрьме тех славян, которые вызывали у вас брезгливость?

– Встречал.

– А почему они вызывали у вас брезгливость? – тихо, другим голосом спросил черный. – Объясните мне, пожалуйста, Кротов, причину возникшей у вас брезгливости по отношению к людям одной крови?

– Безмозглые. Быдло.

– Что такое «быдло»?

– Вроде стада...

– А еще?

– Всё.

– А не вызвало в вас брезгливости то, что они были слишком русскими?

– Это тоже. Мужики.

– Вы тяготеете к европейской культуре. Так что учите язык, нам это нравится; вы нам будете нужны – не считайте, что предстоит только та операция, о которой я вам сказал. Предстоят операции в России, как только мы отбросим варварскую лавину. Вы нам будете очень нужны, на кого-то надо опираться, не на спившихся же бургомистров... Ничего, как это у вас говорят, на ошибках учимся? Мы не боимся учиться на ошибках, мы их учитываем... Теперь последнее: какие у вас пожелания? Соображения? Может быть, вы намерены отказаться? Да, кстати: после завершения операции получите пятидневный отпуск в Берлин и премию, так что, – черный усмехнулся, – денег в ювелирном магазине фрау Пикеданц искать не придется.

– Спасибо. А соображение у меня есть...

– Пожалуйста.

– Каким оружием ликвидировать участников операции?

– Немецких изменников или ваших подопечных?.

– И тех и других.

– Первый вопрос – не ваша компетенция, с участниками операции уже работают, у них русские ножи, русское оружие... У вас будет немецкое оружие. Убирайте ваших выстрелами из автомата, с контрольным, повторным выстрелом – гарантия смерти должна быть абсолютной.

– Так если я в деревенском доме одного пристрелю, другие всполошатся, думы-то у всех одинаковые...

– Далеко не у всех. Вопрос, подобный тому, который вы задали мне – по поводу вашей дальнейшей судьбы, – ни у одного из отобранных для операции не шевельнулся в голове. И потом два моих офицера будут создавать шумовой эффект, стрелять постоянно... Хочу еще раз предупредить. поскольку вы отвечаете за свою пятерку – никаких улик не должно остаться, ничего немецкого не должно быть с ними, никаких, словом, следов. Проверьте даже резинки в кальсонах – немецкие ли...

– Русские кальсоны на резинке не одевают. У нас на пуговице.

– Ну тогда я спокоен за успех дела, если вы так четки в мелочах.

Операция действительно прошла успешно, выступил Геббельс:

«Красноармейские варвары убивают немецких женщин и детей по заданиям своих комиссаров».

...Старуха Потанова, которая «просигналила» о картежниках, встретила Костенко настороженно.

– Она глуховата, – пояснил Жуков, – и потом к ней всегда сержант в форме ходит, участковый, она штатским не верит. Громче с нею говорите и удостоверение достаньте, она это любит.

Красный кожаный мандат с гербом и золотыми буквами «МВД СССР» действительно оказал на старуху моментальное действие. Она пригласила гостей в комнату, сунула недоштопаные чулки под подушку, смахнула со стола крошки на пол, обмахнула ладонью стул, подвинула Костенко, Жукову предложила табуретку.

– Матушка, – прокричал Жуков дурным голосом, – начальник по твоему сигналу из Москвы приехал!

– Из Москвы прилетают, – поправила его старуха тихим, вкрадчивым голосом: в отличие от иных, тугих на ухо, она говорила чуть что не шепотом.

– Я по поводу картежников, – прокричал Костенко.

Потанова, внимательно глядевшая на его лицо, увидела, видимо, как напряглись жилы на шее полковника – он кричал редко, с детства страдал ангинами, – усмехнулась беззубой, кошельковой улыбкой:

– А вы чего кричите, будто я глухая? Вы нормально со

мною говорите.

– Вот змея, – заметил Жуков, – скучно ей...

– Чего? – спросила старуха, и лицо ее сделалось на какое-то мгновение растерянным – она не смотрела на Жукова, поэтому не смогла прочесть по губам его вопрос. – И ничего подобного!

– Я сказал – «хорошая ты старуха», – сказал Жуков, – а ты: «ничего подобного»...

– Матушка, – снова прокричал Костенко, – мы к вам по поводу картежников...

– Кнута ноне нет, – вздохнула старуха, – вот и играют. Раньше б шею свернули, и правильно б порешили, а сейчас цацкаются...

– Раньше лучше было? – прокричал утверждающе Костенко.

– А как же! Куда как! Порядок был...

– А пенсию раньше какую вам платили?

Старуха заливисто рассмеялась:

– Так я тогда работала, когда раньше-то было! Пенсия, понятно, ноне лучше, плохо то, что страха нет.

– Вот по прежним-то хорошим временам мы сейчас тебя и повезем на допрос, – сказал Жуков, – будешь доказывать, что картежников видала, все подробности нам отдашь, а то за ложные показания привлечем...

– А ты меня чего пугаешь? – еще тише спросила старуха. – Я свои права знаю, зараз с тебя погоня-то сыму за такое от-

ношение к трудящей! Ишь!

– Ладно, матушка, – остановил ее Костенко, – давайте-ка по делу. Вы что, подкрались к окошку?

– К какому еще окошку я подкралась?

– К тому, за которым бандюги в карты играли...

– А... Нет, не кралась я... Мимо проходила, ну и услышала, как они собачились.

– А чего не поделили? – спросил Костенко. – Чего собачились?

– Козыри называли.

– Врет стерва, – тихо сказал Жуков, – козыри блатные шепотом называют, а она вообще глухая.

– Какие они из себя?

– Морды, одно слово, – ответила старуха.

– Блондины? Брюнеты? Бритые? – уточнил Костенко.

– Всякие, – ответила бабка. – Я ж написала, чего больше-то с меня хотите? Или, может, запретите трудящему человеку властям писать?

– Пишите, матушка, пишите, – сказал Костенко. – Только в один прекрасный день, когда вы письмо на почту понесете, настоящий жулик к вам в комнату влезет и сберкнижку утащит.

– Чего?! Это как же?!

– А так же, – прокричал Жуков. – Мы ж проверяем твои сигналы, старая. Значит, милиционер будет вокруг того дома ходить, где ты бандюков видала, а твой безнадзорным ока-

жется.

Потанова хотела было сказать что-то, но потом вздохнула:

– Путаете вы меня чего-то, путаете...

– Бабушка, – сказал Костенко, поднимаясь, – вас не пугают, вам дают совет: вместо того чтобы писать, вы лучше приглашайте к себе участкового и ему все новости сообщайте устно.

– Как?

– Словами говори, – прокричал Жуков, – только писем не пиши, начальник тебе добро советует.

Ночью Костенко переселился в отель – уехал Кобзон, освободился люкс, однако поспать ему снова не удалось: только-только прилег, как постучал Жуков.

– Что, майор? – спросил Костенко, не открывая еще глаз. – Нашел супостата?

– Вы мне сначала завизируйте приказ, – ответил тот, – на премию эксперту.

– Сложил отпечатки в таблицу?

– Пока еще нет, но вроде бы получается.

– Когда получится – тогда б и будил.

– Мы Спиридона нашли, – торжествующе сказал Жуков. – Жив, сукин сын.

– Ну?! – Костенко потянулся сладко. – Значит, версия наша летит к чертям?

– Еще к каким!

– Загибалова освободили?

– Да. Пьет уж дома.

– Как же вы Дерябина-то выловили?

– Случай. Я телефонограммы во все отделы отправил, а там, в Сольгинке, дежурил охотник, сержант, так он с Дерябиным неделю как назад с песцами вернулся.

Вертолет прилетел в Сольгинку через два часа. В дороге Костенко «добрал» сон – пилоты натопили в кабине: «ташкент», благодать.

...Дерябин оказался высоким мужчиной, действительно «видным»; Костенко вспомнил слова жены Загибалова: у этой ударницы губа не дура.

– Ты чего ж матери письмо не отправил? – спросил Костенко. – Старуха все глаза выплакала, тебя ожидаючи.

– Не меня, – ответил Дерябин, – алименты.

– Матери денег пожалел? – спросил Жуков.

– Да не жалел я ей ничего. Когда меня «Загни и отчлень» выгнал, я деньги-то прогулял. С чем ехать к старухе? Ну, она, понятно, на алименты... Сестра, паскуда, натравила, они с ее мужиком завистливые, на чужую деньгу беспощадные... Вот, все думал, заработаю по новой и полечу к бабке...

– Поэтому молчал? Притаился? – спросил Жуков.

– Ну, – по-сибирски, утверждающим вопросом ответил Дерябин.

– А с кем в аэропорту гулял? – спросил Костенко.

Жуков стремительно глянул на полковника: тот ставил силки – убийство неизвестного «ДСК» и драка у Загибалова произошли почти в одно и то же время.

– Да разве упомнишь? Там такой гудеж стоял; когда бу-

хие – все братья, только с похмельюги готовы друг дружку на вилы поднять.

– А маленький такой мужичок с вами не пил?

Жуков не сразу понял вопрос Костенко, потом вспомнил заключение экспертизы о размере обуви («убитый носил тридцать девятый – сороковой размер»), снова подивился *тренированности* полковника: как большинство практиков, работающих далеко от центра, он считал столичных теоретиками.

Дерябин как-то по-особому глянул на Костенко и спросил:

– А чего это вас маленькие интересуют?

– Театр лилипутов хочу открыть, – рассердился Костенко. – Вы отвечайте, когда спрашивают, Дерябин.

– Так ведь это моя добрая воля, – ответил тот, – отвечать вам или нет. Сейчас время другое, мы сейчас под законом живем.

Костенко усмехнулся, посмотрел на Жукова.

– Вот поди разберись, – сказал он и по тому, как нахмурился Жуков, понял, что майор тоже вспомнил глухую старуху Потанову, сетовавшую на «нынешние порядки».

Дерябин достал из кармана «Герцеговину Флор», неторопливо раскурил длинную папиросу, глубоко затянулся и ответил:

– Помнится, маленький какой-то был.

– Почему запомнили? – поинтересовался Костенко. – Из

блатных? Поделец?

– И не блатной, и не поделец, но тоже свое сидел – шофер, сшиб кого-то, получил срок.

– Фамилию не помните?

– Имени даже не помню, начальник, откуда ж фамилию-то?

– Примет никаких особых не было? – спросил Жуков. – Наколки, например?

– Наколка была, – ответил Дерябин, подумав. – Только не помню какая.

– На правой руке? – спросил Костенко.

– Нет. На левой вроде бы...

– Якорь? – подстраиваясь под Костенко, спросил Жуков.

– Только не якорь, – ответил Дерябин. – Буквы скорее, а какие – не упомяну я, говорю ж, бухой был до остекленения...

– А о чем говорили? – спросил Костенко. – Может, он какое имя называл? Улетал из Магарана? К кому? Куда? Или прилетел?

– Имя он называл, – сказал Дерябин, – он Дину какую-то называл, это помню. «Не женщина, – говорит, – а бульдозер. Для тела подходит, душу не трогает». Маленькие все здоровенных любят, к надежности тянутся... Это мне карлицу подавай, а как какой низкорослый – тот норовит на громадине остановиться.

«Москва. УГРО МВД СССР, майору Тадаве. Срочно установите, не обращалась ли в отделения милиции по стране женщина по имени Дина, отчество и фамилия неизвестны, однако могут начинаться с букв “С” и “К”, в связи с розыском пропавшего без вести мужчины в период с октября по апрель? Костенко».

«Магаран. УГРО ГУВД СССР. Прошу установить, не обращалась ли в отделения милиции края женщина по имени Дина в связи с розыском пропавшего без вести мужчины. Ответ радировать в Сольгинку. Жуков».

Ответы пришли к вечеру – в обоих случаях отрицательные. Дальнейший допрос Дерябина никаких результатов не дал. В три часа ночи Жукова разбудили – на связь по радиации вызывал научно-технический отдел управления.

– Судя по дактилоскопии, – записывал радист, – убитым был Минчаков Михаил Иванович, 1938 года рождения, шофер, осужден за наезд.

Дерябина будили долго – храпел он богатырски, грудь вздымалась ровно, как океанский прибор. Открыв глаза, он не сразу понял, чего от него хотят Костенко и Жуков, норovil повернуться на бок, по-младенчески чмокал губами, ладошку подкладывал под щеку.

– Да не спи же! – озлился, наконец, Жуков. – Того коро-

тышку Минчаков звали?

Сначала Дерябин нахмурился, потом широко открыл глаза, резко поднялся с кровати:

– Точно! Миня! Минчак!

– Откуда он в Магаран прилетел? – спросил Костенко.

– Ей-богу, не говорил! Погодите, он вроде б улетал. Точно, говорил, на Большую землю подается.

– Ну-ка, Спиридон, ты по порядку все теперь вспомни: тут каждая мелочь важна, – сказал Жуков. – Теперь легче тебе будет, кончик мы ухватили.

– Против меня копаете? – спросил Дерябин, одеваясь. – Или я – в чистоте для вас?

– Вроде бы вы ни при чем, – сказал Костенко.

– Он при деньгах был? – спросил Жуков. – Не помнишь, Спиридон?

– А говорите – чистый... Ясное дело, капканы ставите... Неужто думаете, на мокруху пойду? Я ж в полной завязке, зарабатываю по шестьсот в месяц.

– А после аэродрома, когда в ресторане с Минчаком кончил гулять, ни копейки в карманах не осталось, – заметил Жуков.

– Да разве я с ним одним гулял?! Сколько народу наполнил?! Роту, ей-богу, роту целую сквозь свой стол пропустил! Если б я его молотнул – зачем мне сюда возвращаться? Я б к маме полетел. Да вы буфетчика в ресторане спросите, он меня вниз сволок, когда я за столом уснул... Может, он Ми-

ню помнит?

– Спросим, – пообещал Костенко. – Обязательно. Только припомни, что тебе Миня говорил? О чем? О ком?

– Говорить-то говорил, да не помню что... Истый крест, помнил бы – помог. Про Дину помню, а потом – провал...

– Давай, давай, – сказал Жуков, – напрягись, «Простата»...

– Погоди, – лязгающе застегнув офицерский ремень, сказал Дерябин, – вспомнил. Тогда ж рейс отменили, снег валил, поэтому и гудеж шел... Или перенесли на утро, или отменили... И я б улетел, и Миня... Точно, буран начался, в диспетчерской сказали, что до утра откладывается, ну и понеслось – Россия! Она – стихия, и мы стихийные.

– Сколько классов кончил? – спросил Жуков.

– Фюнф, – ответил Дерябин. – Неполно-среднее, так пишу в самодоносках.

Костенко рассмеялся:

– Это про анкету?

– А про чего ж еще? Про нее, родимую – ври, не хочу, зато подшита, и обратно в характеристике: «Выдержан, хорошие показатели, привлекался, но смысл».

– Слушайте, а Миня за столом платил? – спросил Костенко.

– Он платить хотел, что правда, то правда. Но я выступал тогда; запретил ему и копейку тратить. А пачки денег у него были здоровые, он их с трудом из кармана доставал, как винт

вывинчивал. Я-то все просадил... А может, потерял...

– Почему в милицию не заявил, что деньги пропали, Спиридон? – спросил Жуков.

– Я было думал... А потом похмелился и ну, решил, всех к едрене фене – затаскаете...

– А Минчакова утром уже не было? – спросил Костенко.

– Нет. Не было, – ответил Дерябин убежденно. – Неужто погубили масенького?

– Дерябин, – еще ближе подавшись к Спиридону, тихо сказал Костенко, – а тебе Загибалов что предлагал власти сдать? Золото?

– Раскололся, – покачал головой Дерябин, – до задницы, гляжу, раскололся... Самородок я нашел, ну и думал с собой взять, а он говорил, продай власти...

– Продали?

– Мне продал, – ответил Дерябин. – Вроде бы за пять косых, пьяный дурак, отдал... Потому руки-то его и запомнил, иначе б разве осталась в памяти эта Дина?! У него «Д» на руке было наколото, про «Д» сейчас точно вспомнил...

«Магаран. Костенко. По месту нахождения. Минчаков освобожден из колонии досрочно. По наведенным справкам жил и работал – после освобождения – в поселке Знаменское. Тадава».

«Поселок Знаменское, дежурному по отделению. Срочно

установите в сберкассе поселка, когда и сколько снял со своего счета Минчаков Михаил Иванович, взял ли наличными или положил на аккредитивы. Костенко, Жуков».

Дежурный в Знаменском оказался парень быстрый. Он пришел в дом заведующего сберкассой Зусмана в шесть утра, а в шесть сорок вызвал к радию Жукова – имя Костенко ему ничего не говорило.

– Минчаков снял со своего текущего счета 4592 пятнадцать тысяч рублей 12 октября прошлого года. Деньги положил на три аккредитива, номера 56124/21, 75215/44, 94228/97 в тот же день, товарищ Жуков.

– С вами говорит Костенко...

– Кто, кто?!

– Костенко.

– Откуда вы? – поинтересовался Гуськов.

– Из Москвы.

– А Жуков где?

– Рядом.

– Как в Москве дела? Тепло уж небось? – Гуськов перешел на лирику.

– Тепло! – рявкнул в радию Жуков. – Вы начните опрашивать всех, выдавших Минчакова перед отъездом, мы сейчас к вам вылетаем. Как у вас погодные условия?

– Сядете. Снег начался с дождем, но мы фарами посветим.

Фары были, однако, едва видны, вертолетик болтало из стороны в сторону, ветер шквальный.

– Не сядем, – прокричал пилот штурману.

Жуков услышал, крикнул:

– Надо сесть!

– Не надо, – сказал Костенко. – Что это за манера давать категорические советы? Вы пилот или он?

Жуков усмехнулся:

– Бойтесь, что ль?

– Конечно. А вы – нет?

– Мы здесь привычные.

– Я, знаете, тоже привычный, только гробиться зазря не хочу.

Жуков, видимо, перед вылетом выпил, озорничал поэтому.

– Ребята, – прокричал он пилотам, – полковник бояться, велят поворачивать назад!

Пилоты назад не повернули, начали зависать.

Спускались медленно, болтало.

– Бутылка-то есть? – спросил Костенко.

Жуков достал из кармана плоскую фляжку:

– Спирт. Дышите потом глубже.

– Вы меня кончайте учить, – усмехнулся Костенко, – ишь,

Монтень выискался.

– Как вас не учить, коли первый раз на Севере!

– Я, Жуков, на Севере был еще более дальнем, парнем еще, когда глухая старуха Потанова трудилась в поте лица и о пенсии не мечтала. Ясно?

...Третий – из тех двадцати, что вызвали на допрос, слесарь Лазарев, – на вопрос Костенко ответил уверенно:

– Нет, он в штатском улетал. Откуда у него форма? Я ж его до вертолета на мотоцикле довез...

– А может, у него в чемодане форма была? – спросил Жуков.

– Да нет же! Зачем она ему? На флоте он никогда не служил, пижоном не был... Да и потом поселок маленький, всё у всех на виду, мы б знали, товарищ майор. Я могу сразу сказать, что у него было: шкафом-то не обзавелся, весь гардероб на крючке за дверью висел, под марлей. Кожанка была, рубашек было несколько, ну и спецовка там... Бушлат...

Жуков поглядел на Костенко, тот отрицательно покачал головой, но все же спросил:

– Бушлат с какими пуговицами? С черными?

– Конечно, не с медными, – ответил Лазарев, – те на морозе не застегнешь, все пальцы поломаешь, кожа прилипнет, разве можно?

...Буфетчица Трифонова прибежала к Жукову вечером, уже после того, как дала показания;

– Ой, вспомнила, товарищ майор, у него первая любовь в Магаране живет.

– Ну?! А как зовут? Где работает?

– Он скрытный, этот Минчаков, никому не открывался. Как освободился, как перешел на вольную, так бобылем и остался жить: деньги заколачивал, по тысяче в месяц брал. Организованный был мужик: одну субботу выберет, придет в буфет, купит пару бутылок – значит, будет гулять. Один. Раз только, помню, автобус отходил, на магаранский вертолет, Минчак у меня в буфете стоял, вздохнул, помню, и сказал: «А у меня там первая любовь живет».

– А вторая где?

– Чего? – не поняла женщина.

– Ну, если «первая» любовь, значит, и «вторая» – по логике – должна быть.

– Да кто мужиков поймет? У вас своя логика, у нас – своя. Первая, может, и была, а потом чередой пошли, со счета сбился, помнят-то первое, потом стирается все...

Костенко осмотрел маленькую комнату Минчакова тщательно; сначала сел на койку, заправленную серым одеялом, закурил, бросил спичку в стеклянную банку, вспомнив при этом отчего-то жену Загибалова, и начал медленно по секторам исследовать минчаковское жильё.

Митя Степанов, вернувшись из очередной своей командировки, рассказывал, как работают молоденькие девушки в

охране президента США. «Они, понимаешь ли, Слава, хорошенькие, что – немаловажно. И поэтому на них любопытно смотреть. Но потом делается страшновато: когда их шефы сидят в зале переговоров, девушки кокетничают с прессой, милашки, одно слово, но стоит хозяевам появиться, они меняются неузнаваемо. Все прежнее: и фигурки, и овал лица, и рот, только глаза делаются другими и скулы замирают. Понимаешь, глаза их перестают быть обычными, человеческими. Голову они не поворачивают, лишь глаза, как на шарнирах, очень медленно, контролируют свой сектор, кто бы ни попал: журналист ли, ребенок, старуха – никакого выражения, лишь напряженное ожидание опасности».

Костенко попробовал так смотреть и с удивлением обнаружил, что эдакое *разглядывание* действительно позволяет видеть значительно больше; сектор – он и есть сектор – изначально заданная конкретика.

Поэтому сейчас, зябко поеживаясь в комнате Минчакова, – печка не топлена, холоднее, чем на улице, – Костенко начал *шарнирить* глазами.

Стол, накрытый газетами. Газета районная, значит, центральные не выписывал, хотя поди их сюда выпиши. Но районные получал. Интересно: подписался ли до конца года? Если – да, следовательно, рассчитывал вернуться. На почте могут помнить, кому писал, от кого получал письма. Значит, почта. В столе один ящик, там, видно, посуда, ножи, вилки. Два табурета. Крючки, на котором висел «гардероб», о кото-

ром рассказал Лазарев. Остался старый пиджак, такие в деревнях деды носят, с мятыми, обвислыми лацканами, пуговица одна, но зато пришита накрепко...

«Наверное, Тадава не может со мной связаться, – подумал Костенко. – Видимо, все установочные данные на Минчакова он уже получил... Неужели бобыль? Молодой ведь мужик. Ни матери, ни отца? А Дина где? Интересно, Жуков запросил Магаран по поводу всех Дин, там живущих? Толковый мужик, хорошо работает».

Костенко поднялся с кровати, пружины тонко прозвенели; подняв матрац, глянул, нет ли там чего – чисто. Открыл ящик стола: две тарелки, три вилки, два ножа, большая ложка, видимо, ею же и сахар в стакане размешивал и щи хлебал.

«А вот латыш, – подумал Костенко, – комнату бы обжил. Уж про немца и говорить нечего. А наши забили деньгу – и обратно. Сами себя люди теряют; временность; невосполнимо это, пропавшие годы, надо всегда сразу же обживаться, чтоб каждый твой ночлег на земле остался в памяти радостью и красотой. Отчего это у нас так? От неуверенности, что ль? Или от мятежности духа – тянет все куда-то, тянет... Кто это сказал – стихийные мы? Дерябин? Да. Он. А что? Тоже ответ. Да только верный ли? Пространства, пространства, так их и так, хотя, с другой стороны, на них в конечном счете надежда, на пространства-то».

Костенко приподнял газету, на которой лежали ножи и вилки, увидел старый, со следами жира, конверт. Письмо

Минчакову М. прислала из Магарана Д. Журавлева, Портовая, двенадцать, квартира семь.

Костенко осторожно открыл конверт: письма не было. Адрес зато есть. Тут больше делать нечего, вспомнят что люди – скажут участковому Гуськову, парень оборотистый, сообщит в момент...

10

– Журавлев Роман Кириллович, – медленно читал Жуков, – ветеринар, 1939 года рождения, образование среднеспециальное, жена Диана, 1946 года рождения, образование...

Костенко перебил его:

– Вы погодите про образование... Диана? Сокращенно – Дина. Ну?

– «Первая» любовь, что ль? – спросил Жуков. – Вы это имеете в виду?

– Это.

– Никакая она не «первая» любовь, – ответил Жуков. – Мои парни все ее документы прочесали, первый раз замужем.

– По-вашему, любовь без женитьбы невозможна?

– Какая это любовь – похабщина...

Костенко обиженно усмехнулся, спросил:

– Где женились Журавлевы?

– Здесь, где ж еще, – ответил Жуков и медленно поднял глаза на Костенко. – Что, думаете, старый паспорт потеряла, где штампик с Минчаковым стоял?

– Надо мне вас в Москву забирать, – сказал Костенко, – хорошо мысль чувствуете, толковые помощники сейчас на вес золота, воз тащат, линию держат, мне, начальнику, спо-

койно. Заберу, право, заберу.

– Думаете, соглашусь?

– В Москву-то?

– Ни за что не соглашусь. У вас там человек как иголка в стоге сена, а у нас, в провинции, уж коли уважают – так уважают, на виду, и почет тебе, и квартира без очереди, и кухня восемь метров. У меня вон Урузбаев работал, по распределению попал, родился в деревне, в горах, а поди ж, рвался обратно, хоть в село, только б к себе. Недавно письмо прислал, счастливый, растет, капитан уже, а я все в майорах...

– А говорите – уважают...

– Так, Владислав Николаевич, золотой человек, у него ж в республике своих поддерживать умеют; это мы собачимся: «Хочу, чтоб у соседа корова сдохла», – разве нет?

Костенко вздохнул:

– Майор, на что замахиваешься?

– На себя, – ответил Жуков, – на кого ж еще? Вернемся лучше к Диане. По образованию тоже ветеринар, кстати. Что, думаете, на пару разобрали малышку – и в мешок?

– А как он к ним попал? Почему морская форма? Откуда она вообще взялась? Поедем, что ль, беседовать?

– Рано. Наши работают по сберкассам, ищут, не было ли вкладов от Журавлевых, соседей опрашивают, на службе у них шуруют.

Они сидели в угрозиске, в маленьком кабинетике Жукова – смертельно усталые, сразу с аэродрома, не заезжая до-

мой к майору, вернулись в управление, хотя жена его напекла пирожков, дважды звонила: «Неужели дома нельзя поговорить, двадцать минут дороги, что может случиться за то время, пока приедете?»»

Ретроспектива-III [Март 1945 года. Бреслау, Витекамерштрассе, 5]

Кротов отполз от окна; большевики засели в здании напротив, притащили пулеметы, подняться с пола теперь было невозможно.

«А что, если они на крышу влезут?» – подумал Кротов и посмотрел на Уго из СС: он в Сталинграде воевал и в Варшаве, уличный бой знает.

– Э, унтершарфюрер, а если красные заберутся на крышу? Они ж нас перестреляют, как кур.

Уго покачал головой:

– Нет, им нечего делать на крыше, там нет балок, потолок обрушен, пулемет не поставишь...

– А почему наши на третьем этаже не стреляют?

– Зачем стрелять без дела? – удивился Уго. – Мы не пустили русских к вокзалу, пусть теперь очухиваются, а тем временем к нам прорвутся танки, и мы их так ударим, что они откатятся до Варшавы...

– А зачем им давать очухиваться? Надо бить, пока они устали.

Уго закурил, глубоко затянулся, спросил:

– Чем бить? Мы ударим сокрушительно, когда закончим работу по созданию «оружия возмездия». Это и решит исход

битвы.

– А что такое «оружие возмездия»?

– Ракеты. Их не может достать снаряд, не может перехватить самолет. Они начинены сверхмощной взрывчаткой – одна ракета снесет половину Москвы. Разве после этого русские смогут продолжать войну? Они ведь и так на издыхании...

– Плохо вы знаете русских, унтершарфюрер...

Уго не обиделся, ответил задумчиво:

– Наверное. Но их очень хорошо знает фюрер. Нам, простым людям, нужно знать свое и честно это свое выполнять. Если каждый решит знать все – не будет порядка; много гениев – это плохо, это ведет к полнейшему бардаку. Надо, чтобы каждый знал свое место в жизни.

– Каждый хочет чтоб получше...

– Верно. И наша национал-социалистская революция делает так, чтобы каждому на своем месте было хорошо. Человек должен верить, что лучше не может быть. Я после ранения месяц отдыхал в охране Дахау. Там было очень интересно. Я помню, как одного заключенного назначили писарем, у него был хороший почерк, он не был ни комиссаром, ни евреем, ни цыганом... Какой-то румын, мне кажется... Не русский, конечно, тех не пускали в писари... Так вот, этот румын стал таким счастливым, что шапку драл с головы за сто метров, едва только нас замечал... Каждому свое... Он был счастлив, что не нужно копать ямы и таскать камни, а

хлеба получал столько же, сколько и раньше, и такую же миску супа. И он верил, что лучше быть не может. Не надо ему лучше, только б сохранить то, что он получил...

Прогрохотала очередь, зазвенело разбитое зеркало; пулеметчики угодили в косяк платяного шкафа. Дверца скрипуче и медленно открылась, Уго усмехнулся:

– Посмотри-ка, сколько костюмов, а? Какой-нибудь торговец жил, плутократ. Мы, истинные национал-социалисты, довольствовались формой и одним пиджаком...

– Скорее бы стемнело, надо пролезть к нашим на последний этаж... Я боюсь, большевики все же залезут на крышу, тогда – конец.

Уго посмотрел на часы:

– Через полчаса будет темно, поднимешься, помотришь...

– А Бреслау окружен, или выход есть?

– Окружен.

– Так, может, попробовать пробиться на запад, унтершарфюрер?

– За такие разговоры будем расстреливать. Это поражение. Фюрер приказал превратить в неприступную крепость каждый немецкий дом, не то что такой город, как Бреслау. Я видел тебя в деле, поэтому верю тебе, но не вздумай так сказать при других – сразу донесут, и я же первый буду вынужден тебя казнить.

– Унтершарфюрер, я так сказал потому, что вас возьмут

в плен, отправят в лагерь и будут кашей кормить, а нас всех к стенке, вот в чем дело-то...

– Ты думаешь о плене?! Как тебе не стыдно! Пойми, сейчас рейх силен, как никогда! Мы пружина, понимаешь ты это? Речь идет о жизни и смерти нации! Мы сейчас сражаемся не за французов или румын, неблагодарных свиней, а за немцев! Разве нацию можно победить? Что может быть на свете сильнее национального духа?! Да ничего! Когда мы победим, я женюсь и нарожаю множество детишек – чтоб в прихожей стояли ботиночки моих девчушек и сыновей. Знаешь, какое это счастье?! Нация должна быть большой, иначе ее сомнут и разжижат чужой кровью.

– А нам как же?

– Кому это?

– Кто с Власовым.

– У вас тоже будет своя нация... Не такая большая, как у нас, но своя... Мы поможем вашим женщинам, – вдруг рассмеялся Уго, – иначе нельзя, мы обязаны отдать вам часть своей крови, чтобы как-то организовать вас, приблизить к нам...

– Эх, отчего ж вы нам оружия не дали в сорок втором, унтершарфюрер?!

– Гитлера обманывали генералы. Фюреров всегда обманывают самые близкие люди. Мы их уничтожили, и теперь вы получили оружие. Теперь вам только и воевать за освобождение России от большевиков, а ты говоришь про плен –

разве можно?

Вдруг загрохотало, полетели остатки стекол из окон, два снаряда угодили в верхний этаж, там кто-то тонко закричал: «Ой-ой, черт, сука!»

– Вот они и очухались, унтершарфюрер!

Уго подобрал колени под живот, придвинулся еще ближе к батарее:

– Это наши танки. Русские так не могут...

– Какие «наши»?! Что ж тогда они по своим лупят?!

– Это наши танки, – повторил Уго и достал из мешка гранаты. – Ясно? Они хотели выкурить русских мерзавцев, а ненароком попали в нас...

– Я тоже русский, унтершарфюрер!

Тот вдруг рассмеялся:

– Ты наш русский, немецкий русский, мы хорошо относимся к таким русским...

Потом громыхнуло три раза подряд, в комнате обрушилась часть стены, запахло штукатуркой, нос заложило; унтершарфюрера отбросило в сторону, он широко открыл рот, видимо, оглушило. Потом, словно ящерица, снова подполз к батарее, так, чтоб не было видно из окон дома, где засели красные.

А Кротова волной задело самую малость, только развернуло на полу, и он теперь уперся взглядом в открытый шкаф, где висели костюмы и пальто, а на верхней полке – аккуратно сложенные простыни и полотенца.

– Это наши, – повторил Уго. – Пристреливаются. Наверное, молодые ребята, опыта еще нет. Если б русские – «ура» стали кричать, и танки б пошли... Мы их не пустим сюда, они сюда придут, только перешагнув через наши трупы...

– Зачем гранаты достали, унтершарфюрер?

– На всякий случай. И ты достань.

Кротов подвинул ногою свой мешок – ранец в каптерке брать не стал; туда, он считал, не уместится столько, сколько в мешок; легко развязал толстую веревку, завязанную парашютным узлом, положил рядом с собою две гранаты и вытащил из-за голенища нож.

– Как же ты ловко узел развязал! – одобрительно сказал Уго. – Будто фокусник в цирке.

– Ваши научили, – ответил Кротов, – они меня еще и не тому научили. Вот, берешь нож, – он достал из ножен остро отточенный тесак, – пробуешь сталь о ноготь, видишь?

– Вижу, – ответил Уго, придвинувшись еще ближе. – А зачем?

– Ближе смотрите, унтершарфюрер, темно, вы ж след на ногте не видите...

Уго придвинулся вплотную к Кротову, сияясь рассмотреть во внезапно наступившей темноте следы от тесака на плоском ногте власовца.

– Вижу. Как зарубка в лесу.

– Точно. Зарубка – счет, – ответил Кротов и с маху воткнул нож в горло унтершарфюрера; кровь брызнула, словно

кабана бил – не человека...

...Раздевался Кротов лежа; стащил с себя форму, сапоги, потом подполз к шкафу, сорвал пальто и костюм, они обрушились на него; он замер, испугавшись шума, хотя по-прежнему в городе шла стрельба, но он сейчас ничего вокруг не слышал, он только себя слышал, свое сердце, которое клокотало во рту. Ухватив все, он вновь отполз к окну, там, где не простреливалось, и начал лихорадочно быстро натягивать на себя штатский костюм. Был он ему велик, но не очень, не сразу определишь, что с чужого плеча, можно даже сказать, вон, мол, как оголодал у немца на каторжных работах. Влез кое-как в пальто. Надел шляпу – на уши надвинул, взял наволочку, сунул в карман, сойдет за белый флаг, и медленно пополз к двери, волоча за собою вещмешок. Потом снова отполз к окну, вещмешок раскрыл, достал документы, порвал их, спичку побоялся зажигать, фотографию свою – во владовской форме – сжевал и проглотил, снова пополз к выходу; оказавшись в коридоре, поднялся, тут не простреливалось, пошел в туалет: несмотря на уличные бои, канализация работала; спустив все бумажки, он взбросил вещмешок на плечо и только тут подумал: «Переодеваться можно было здесь, вот что страх с человеком делает...»

Вышел он из квартиры по черному ходу, оказался во дворе, дверь бомбоубежища была раскрыта, прислушался – голосов нет, пусто; поднял голову, долго смотрел на небо, затянутое горклым дымом пожарищ, стараясь определить, где

запад, где восток; перестрелка кончилась; с реки дул студеный, чистый ветер; он, наконец, определился и, крадучись, зажав в руке белую наволочку, пошел дворами туда, где было тихо, подальше от вокзала и центра...

Работа-III [Москва]

1

...Тадава относился к числу людей, которые работали, не думая о выходных днях. Иные ведь уже в понедельник начинают планировать вечер пятницы, самый сладкий вечер, когда можно выпить, не думая о том, какой будет голова наутро; впереди еще два дня – гуляй, не хочу.

...Вдохновение, увы, такого рода данность, которая вызывает порою если не зависть, то раздражение. Тадава замечал, что ритм, который он сам себе задал после срочного вылета Костенко в Магаран, не всем по душе: если заместитель, оставшийся «на хозяйстве», сидит в кабинете до ночи, приходит в восемь утра, это, понятно, обязывает и подчиненных к подобному же. Поэтому он, зная отношение к себе Костенко, пошел на хитрость: уходил вместе с другими, в семь, но к восьми возвращался, садился на телефоны, беседовал по ВЧ, делал быстрые записи на маленьких листочках бумаги, а потом – переняв манеру Костенко – наговаривал разного рода версии на диктофон, чтобы утром заново прослушать себя, отбросить ненужное, а то, что покажется интересным, разбить по костенковским «секторам» и начать отрабатывать каждую деталь.

Дело о расчлененном трупe моряка, обнаруженном в лесу под Бреслау, искали – как казалось Тадаве – невероятно долго, хотя ушло на это всего четыре дня.

Получив из прокуратуры папку тугого картона в пять вечера, Тадава вышел вместе со всеми сотрудниками из угрозыска, заехал домой – Саша, жена, уже вернулась из клиники, сделала лобио и хачапури; двоюродный брат Бодри, лесник в Боржоми, прислал ящик вина.

– А еще, – сказала Саша, – я выстояла в очереди и купила тебе армянской брынзы. Я ее вымачиваю.

– Не надо брынзу вымачивать, – ответил Тадава. – Грузины любят армянскую брынзу соленой и крошащейся. Поняла? Выше знамя интернационализма, дурашка!

Саша убежала на кухню, вылила из кастрюли воду, принесла брынзу. Тадава отломил кусок, пожевал, положил на тарелку.

– Погубила товар, – сказал он. – Великодержавная ты шовинистка, не уважаешь вкусы представителя малого народа с большой культурой.

Он поел лобио, выпил стакан вина, быстро проглотил хачапури и сказал:

– Я поехал.

– Вернешься?

– Обязательно.

– Разбудишь?

– Еще как, – улыбнулся он.

Уже в прихожей, надевая плащ, – на улице моросило, – спросил:

– Слушай, а ты со мной не хочешь прогуляться, а?

– Ты думаешь, я не верю тебе? – Саша вышла в прихожую, поднялась на носки, поцеловала мужа. – Если хоть раз не поверю – уйду. Или заключу договор на взаимную свободу – сейчас это практикуют.

– Я тебе дам свободу, – ухмыльнулся Тадава. – Резать будем! Да здравствует диктатура, свобода для женщин означает конец цивилизации. Нет, ты одевайся, может, мне твоя помощь понадобится, чисто профессиональная.

...В деле было описание расчлененного трупа неизвестного моряка, обнаруженного в марте 1945 года под Бреслау.

– Прочитай, – сказал Тадава жене, – и ответь: профессионально порезан труп или это дело рук любителя?

Саша села на подоконник – весна, темнело поздно, разложила заключение экспертизы. Тадава начал осторожно перелистывать пожелтевшие листы бумаги. Задержался на конверте, подшитом к делу черными нитками, открыл его, достал несколько фотографий и два письма-треугольника, которые писали во время войны, когда конвертов не было. К фотографиям была приложена справка:

«Групповое фото, отправленное И. Северским 26 февраля 1945 г., возвращено в в/часть из-за отсутствия получателя. Мл. лейт. НКВД Н. Ермолов».

– Это не профессионал, – сказала Саша. – Знаешь, мне кажется...

– Подожди, – перебил ее Тадава.

Фотография была групповой: молоденький морячок с подбритыми бровями; юный, еще моложе морячка, совсем мальчик – лейтенант, стриженный наголо, с орденом Отечественной войны на морском кителе; девушка, видимо, сестра милосердия, и мичман с рукой на перевязи; бинт грязный. На обороте подпись: «Дорогому деду от внука, Гриши, Васи и Лиды». И последнее фото: женщина в платочке, нестарая еще, но все лицо в морщинах, и глаза запавшие. На обороте: «Дорогому сыночку-воину от мамы». Что-то было написано карандашом внизу, но стерлось, слова разобрать невозможно.

На письмах-треугольниках (также вернувшихся в воинскую часть) адреса читались хорошо, ибо карандаш, которым их старательно выводили, был чернильным. Первое письмо адресовано в Ессентуки, Жженовой Клавдии Никифоровне, обратный адрес прочесть невозможно. Второе письмо, написанное другим почерком, адресовано Шахову Павлу Владимировичу, в Москву.

Тадава начал читать первое письмо:

«Дорогая мама, здравствуйте, пишет вам ваша дочь Лида. Как вы живы-здоровы, дорогая мама? У меня все в порядке, гоним фашистов, уже до Берлина недалеко, скоро победа.

Дорогая мама, не волнуйтесь за меня, тут все тоже за меня волнуются и не позволяют ползти за ранеными, пока стреляют. Один наш получил после ордена отпуск, он это письмо опустит в ящик, чтоб скорее дошло. Он, правда, с Севера, но поедет через Москву. Дорогая мама, как поживает тетя Оля? Передайте от меня привет Розе и Гале, если они тоже не ушли бить фашистского гада. До скорого свидания дома. Целую вас, дорогая, любимая мама, ваша дочь Лида».

Тадава потер виски ладонями, потянулся за сигаретой.

– Это не профессионал, – повторила Саша еще тише.

Тадава поднял на нее глаза.

– Что ты? – спросила Саша. – Что, Ревазик?

– Почитай, – сказал он, передав ей листочки.

«Дорогой дедушка! – начиналось второе письмо. – Привет тебе, усач мой бесценный! Рассчитывая, что ты уже вернулся, пишу на московский адрес. Представилась оказия, и я шлю тебе эту весточку. Думал было отправить стихи, но пока еще написалось немного, пришлю в следующий раз. Спасибо за твое письмо действительно я прямо-таки оторопел от счастья, когда мне вручили Отечественную. Мичман сказал, что “вторая степень” еще более почетна, потому что это истинно солдатская награда. Знаешь, дед, конечно, война – это высокая трагедия, ты прав, но никогда бы я не смог так узнать наших людей, так полюбить их, как здесь, когда ешь из одного котелка и укрываешься одной шинелью, потому что вторую подстилаешь под себя, земля-то холодная, про-

мерзшая. Пожалуйста, позвони Трифону Кирилловичу, скажи, что его английские носки здорово меня выручают, чудо что за шерсть. Поскольку мой морячок (не сердись за эти слова, просто все в нашей роте морской пехоты – “мой”, это не дворянская манера, право) торопится к маме, я заключаю эту писульку пожеланием тебе всего самого, самого хорошего, что только могу пожелать. Привет Серафиме Николаевне. Твой внук Игорь».

Тадава подвинул второе письмо жене, пролистал следующую страницу дела: «По указанным адресам лица, к которым обращены письма, не значатся. Шахова в Москве нет с декабря 1941 года; Жженова Клавдия Никифоровна умерла в Эссентуках 29 марта 1945 года; родственники мичмана Громова были расстреляны в 1942 году в Смоленске, как участники партизанского движения. Ст. лейтенант НКВД Леонова. 4.5.1945 г.».

Тадава хлопнул ладонью по столу:

– Но ведь тогда эвакуация была! Как же было наново не запросить, а?! Ведь могло дом разбомбить, могли еще из Сибири не вернуться!

– Твой папа тоже в сорок пятом погиб? – спросила Саша.

Тадава, не ответив, снял трубку:

– Алло, добрый вечер, это Тадава из угро Союза. Пожалуйста, срочно дайте мне адреса и телефоны всех Шаховых Павлов Владимировичей, а также женщины Серафимы Николаевны – возможно, с такой же фамилией...

После этого лишь обернулся к Саше.

– Труп рубили топором, – сказала Саша. – Его не расчленили, как здесь написано. Его просто рубили топором, как на бойне... Судя по описаниям, которые здесь есть... Если только описания верны...

...Шахов Павел Владимирович, георгиевский кавалер, генерального штаба полковник, затем комбриг РККА, инвалид Гражданской войны (лишился ноги в 1921 году во время ликвидации Антоновского мятежа), скончался в 1949 году. С 1941 по апрель 1945 года находился в эвакуации, в Куйбышеве.

После его смерти трехкомнатная квартира в ведомственном доме была передана полковнику Урину. Прописанная в квартире Серафима Николаевна Харютина, секретарь военного историка Шахова, была выселена в Покровское-Стрешнево, где ей предоставили девятиметровую комнату в бараках, оставшихся после строителей канала «Москва – Волга».

2

– Это наш Игорек, – сказала женщина и ласково погладила мягкой ладонью фотографию, взятую Тадавой из дела. – Его убили в Бреслау...

– А рядом с ним кто, Серафима Николаевна? – спросил Тадава.

– Это мичман Громов, его тоже убили в Бреслау, Лидочка погибла там же, а Гриша Милинко пропал без вести, так его мама нам ответила...

3

В колхоз «Светлый путь» Осташковского района участковый Гришаев приехал вечером следующего дня – с копией той фотографии, на которой были сняты Игорь Суровский (Шахов был его дедом по матери), мичман Василий Громов, сестра милосердия Лидия Жженова и Григорий Милинко.

– Конечно, Гриша, – ответила старуха Милинко. – Это и есть мой сын.

В избе ее, покосившейся, – два окна забраны фанерой, – было холодно, неприбрано, почти пусто.

– Так он что ж, так и не приехал? – спросил участковый.

– Бумага вместо него приехала, что он без вести пропал, вроде б, значит, в плен отдался... И пенсии мне за него не платили, и помощи не было. Муж помер; не убили, а помер – тоже без пенсии осталась... А Гришенька... Сейчас-то уж забылось, а раньше как на змею глядели – у других по-честному погибли, а мой, вишь, без вести... А что приехал-то? Может, чего хорошее скажешь?

– Да я и сам ничего не знаю, мамаша... Велели показать фото, чтоб ты опознала, вот я и прибыл... Вот тут распишись, мол, все верно, он и есть мой сын Григорий.

Работа-IV [Магаран]

1

Костенко, выслушав Тадаву, спросил:

– Участковый только фото показал? Не поговорил, карточек сына не попросил показать?

– Я его не сориентировал, моя вина...

– Вот вы ее и исправьте.

– Но ведь я запросил данные в архивах...

Костенко кашлянул, закурил:

– Найдите время сразу же написать в горвоенкомат по поводу пенсии матери. Что еще?

– Жду заключения экспертизы о методе расчленения трупа Милинко: по предварительным данным, его не расчленили, Владислав Николаевич, его топором рубили...

– Кто это сказал?

– Да тут...

– Не понял.

– Так считает Саша.

– Журбин?

– Нет, моя Саша. Жена.

– Она-то что про наше дело знает?

– Я тут долго засиживался, товарищ полковник, и позво-

лил себе пригласить ее...

– Ревнует?

– Нам, грузинам, это качество женской души неизвестно, – рассмеялся Тадава, поняв, что Костенко не рассердился, выслушав его признание.

– Вообще-то жен в угрозыск не приглашают, это не кафе «Ласточка», – заметил все-таки Костенко. – Она у вас хирург?

– Да.

– Убеждена, что расчленял не специалист?

– Абсолютно.

– Привлеките ее к экспертизе.

– Неудобно, она ж мою фамилию носит.

– А что – за это деньги платят? – удивился Костенко. – За подсказку, кстати, спасибо, я тут проведу повторную экспертизу, задам такой же вопрос: «Мера компетентности убийцы в расчленении трупов». Ничего вопрос, а?

– Страшный вопрос.

– Страшный – если глупый. Циничный, стоило бы вам заметить, и я бы на вас не обиделся.

...Ответ магаранских экспертов был не столь утвердителен, как заключение Саши Тадавы: «Скорее всего, труп Минчакова был расчленен топором; навыки специалиста-мясника или ветеринара не просматриваются явно, однако в связи с давностью совершения преступления категорического ответа на поставленный вопрос дать не можем».

– Ладно, едем к Журавлевым, – сказал Костенко, выйдя с Жуковым из городской клиники, – больше тянуть смысла нет.

– Есть смысл, – угрюмо ответил Жуков, – днем раньше, днем позже, а дело только выиграет, если погодить. Мы ж их пасём, глаз с них не сводим...

– Я сводки ваши читаю, нет в них ничего интересного. Так можно целый год водить, едем, я чувствую, надо ехать.

– Вы хоть при молодежи про «чувства» не говорите, я ведь воспитываю их: «чувства девице оставьте, логикой жить надо», а вы...

– Логика, между прочим, тоже чувственна... Сначала – чувство, а уж потом его исследование. Когда наоборот – тогда идея в реторте, неинтересно... Я согласен с мнением, что во многом с художников надо брать пример, с писателей – они умнее нас и знают больше, потому как обескоженные, то есть чувственные. У нас с вами под рукой и сводки, и донесения, и таблицы – тем не менее они всё точнее ощущают, тоньше, следовательно, вернее. А почему? Чувство, Жуков, чувство.

– Так и начнем сажать кого попало – чувствую, и все тут!

– Сажать – чувства не требуется. Я ж не сажать Журавлева хочу, а наоборот, вывести из-под подозрения. Когда честного человека долго подозревают, ненароком можно и его в преступника превратить...

2

– То есть как не знаю? – удивился Журавлев, усадив на диван Костенко и Жукова. – Михаил родом из Весъегонска, и мы оттуда же. А в чем дело?

Из кухни, вытирая руки ослепительно белой медицинской салфеткой, вышла красивая, высокая женщина. В отличие от загибаловской жены, глаза ее были обычны, тусклы даже, однако высокий лоб, вздернутый веснушчатый нос и очень красивый рот – треугольником – делали лицо запоминающимся, как-то по-особому зовущим.

– Товарищи из милиции, – пояснил Журавлев. – Интересуются Мишей.

– Мы им тоже, кстати, интересуемся, – ответила женщина. – Обещал передать посылку маме, да так и не передал... Копченая колбаса и две банки красной икры...

– Он не писал вам больше? – спросил Жуков.

– А он никогда не писал. Он только телеграммы отправлял, образованием не замучен, – усмехнулся Журавлев и повторил: – А в чем дело, почему вы им заинтересовались? Попал он в тюрьму случайно, вышел, работал, как я знаю, отменно...

– У него родных нет? – спросил Жуков.

– Отчим, по-моему, есть, но он с ним не дружит, – ответил Журавлев, – тот вроде бы с матерью его был груб. Миша его

винил в смерти Аграфены Васильевны...

– Это кто такая? – спросил Жуков. – Мать, что ль?

– Да, мама, – ответила Журавлева, посмотрев на Жукова сузившимися глазами.

– Обиделись на слово «мать»? – вздохнул Костенко. – Меня тоже коробит, хотя, позволю напомнить, название романа Горького кажется нам прекрасным – «Мать».

– А вы замечали, – ответила женщина, – что слово написанное и слово сказанное разнятся друг от друга?

Костенко подумал, что Журавлева представляет собою такой тип женщин, настроение которых меняется мгновенно; люди, столь остро реагирующие на слово, относятся, как считал Костенко, к числу самоедов, с ними трудно, постоянно надобно выверять себя, подлаживаться, а это плохо. «Впрочем, – подумал он, – “с кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой”. – И тут же себе возразил: – Но это же Пастернак писал о художнике, а здесь красивая ветеринарша».

– Я замечал это, – ответил, наконец, Костенко. – Я согласен с вами, но мой коллега никак не думал обидеть память мамы вашего друга, просто, увы, мы привыкли говорить языком протокола, а в протоколе «мама» не употребляется, как и «папа», впрочем. А пришли мы к вам вот с каким вопросом: когда вы в последний раз видели Минчакова? С кем? Что он вам рассказывал о себе, о своих планах, друзьях? Был ли он с похмелья? Весел? Грустен?

– Да вы объясните, в чем дело, – капризно рассердилась женщина, – вспоминать трудно иначе.

– Вот если мы объясним вам, в чем дело, вы как раз и можете все напутать, – ответил Костенко. – Вы станете – хотите того или нет – подстраиваться под то, что мы вам откроем. Чуть позже я вам все доложу.

– Ничего не понимаю, – резко повернувшись, женщина вышла на кухню.

– Гражданка Журавлева, – скрипучим голосом сказал Жуков, – вы вернитесь, пожалуйста, в комнату, потому что мы к вам не в ладушки пришли играть, а работать. Если желаете, могу вас официально вызвать в угрозыск для допроса...

– Так я к вам и пришла, – усмешливо откликнулась женщина с кухни.

Жуков посмотрел на Костенко, пожал плечами: «Доигрался, мол, полковник в демократию, вот теперь и выходи из положения».

– Вас доставят в милицию с приводом, – сказал Костенко. – Пожалуйста, сядьте рядом с мужем, и мой коллега начнет записывать ваши ответы.

– Дина, – сказал Журавлев, – ну, успокойся, иди сюда.

– А с чего ты взял, что я неспокойна?! – спросила женщина, возвращаясь в комнату, – белая салфетка по-прежнему была в ее тонких красивых пальцах. – Рассказывай, я буду добавлять, если что не так...

– Миша приехал к нам вечером, – начал Журавлев. – Не

помню, в какое время, но уже давно было темно. Да, Дин?

– А какая разница? – она пожала плечами. – Правильно, вечером...

– Снег еще пошел.

– Снег с дождем, – уточнила женщина.

– Да, верно, снег с дождем, – Журавлев закурил, сцепил пальцы, вывернул их; хруст был ужасен; Костенко поморщился. – Он спросил, готова ли посылочка для мамы, но Дины еще не было дома; я сказал, что она сегодня должна все собрать, попросил его приехать попозже или завтра утром, а он ответил, что тогда опоздает на самолет. Я ему предложил перенести вылет назавтра, чтобы Диночка не бегала с посылкой, спешка нервирует...

– А вы где были? – не глядя на женщину, спросил Жуков.

– Это кого спрашивают? – поинтересовалась Журавлева.

«Ну, змея, – подумал Костенко, – не баба, а змея, ей-богу».

– Это вас спрашивают, – сказал Костенко. – Вы когда пришли?

– Не помню... Когда я вернулась, Миша все еще не хотел оставаться, но я сказала, что встретила его подругу и она им очень интересуется. После этого я поняла, что он задержится...

– Он был сильно пьян?

– Нет, – Журавлева быстро взглянула на мужа. – Я, во всяком случае, не заметила.

– Как зовут подругу? – спросил Жуков.

– Дора, – ответил Журавлев, снова глянув на лицо жены, – Дора Кобозева.

– Дора Кобозева? Она черненькая? Миниатюрная? – легко спросил Костенко.

Журавлева усмехнулась:

– За глаза ее зовут «бульдозер»... Она – огромна... И очень не любит свое имя, просит, чтобы звали, как меня – Дина.

– Дора Семеновна, кажется, так? – продолжал свое Костенко.

– Дора Сергеевна, если уж точно, – отчего-то обрадовался Журавлев, – не Семеновна, а Сергеевна.

– Она что – подруга ваша? – спросил Костенко Журавлеву.

– Нет. Знакомая. Раза два Миша – когда приезжал сюда с рудника погулять – приводил ее к нам.

– Они у вас ночевали? – спросил Жуков.

– У меня семейный дом, – ответила Журавлева, и глаза ее снова сузились.

– У нее, значит, спали? – уточнил Жуков.

– У нее нельзя, – ответил Журавлев, – одна комната, ребенок и мать ее первого мужа.

– А откуда вы все о ней знаете, если видели всего два раза? – спросил Жуков.

– Видите ли, я приезжал к ним на квартиру, когда щени-

лась их собачка, карликовый доберман... Тогда, кстати, Миша с нею и познакомился – он был у нас в гостях; я предложил ему съездить со мною, помочь, если придется...

– А где Дора Сергеевна работает? – спросил Костенко.

– Вы меня спрашиваете? – снова уточнила Журавлева.

Костенко поднялся, сказал Жукову:

– Пойдемте, майор, вызывайте этих свидетелей на допросы, надоело мне в игры играть... А Миша, ваш знакомый, убит, разрезан на куски, расчленен, как мы говорим профессиональным языком, и только что – сгнившим – обнаружен недалеко от аэропорта...

– Ой, – прошептала Журавлева, – Рома, Рома, какой ужас...

Журавлев вскочил с кресла, оббежал стол, схватил жену за руки:

– Диночка, что с тобой?! Дать валидол?! – Он обернулся к Костенко: – У нее ж порок сердца, зачем вы так?! Смотрите, как она побелела!

– Сами спрашивали, «что случилось», – ответил Жуков. – Завтра приходите к девяти, пропуска вам будут выписаны... Или повестку прислать?

– Погодите же, – сказала Журавлева. – Погодите... Дайте мне успокоиться, сядьте, пожалуйста. Хорошо, что вы сказали эту страшную правду... Присядьте же, сейчас я буду все вспоминать, вам же каждая мелочь важна... Рома, принеси воды...

Журавлев выбежал на кухню. Жуков посмотрел вопросительно на Костенко; тот опустил на стул; майор тоже сел, на скрывая неудовольствия.

– Это было осенью, в октябре, да, в октябре, – начала рассказывать женщина, – действительно, шел мерзостный снег с дождем. Когда я вернулась из парикмахерской, Миша собирался уходить, «Нет, нет, – говорил, – я полечу, мечтаю завтра в море выкупаться, может, кто другой передаст вашим посылочку, не сердитесь».

– В каком еще море? – спросил Жуков. – Он же в Москву летел?

– Нет, нет, у него было два билета: Магаран – Москва, а потом Москва – Адлер, в Вельегонск он должен был заехать на обратном пути или же отправить посылку из Москвы, отсюда очень дорого, только самолетом...

– У вас в доме телефоны провели? – спросил Костенко.

Журавлев, вернувшись со стаканом воды, который жена его, не пригубив даже, поставила на стол, ответил:

– На пятом этаже, в семнадцатой квартире, там заведующий овощной базой, ему протянули воздушку.

– Позвоните по поводу Доры, – сказал Костенко Жукову, – чтобы к нашему возвращению что-нибудь было уже.

– Сколько этой Доре лет? – спросил Жуков, по-прежнему не глядя на Журавлевых.

– Лет тридцать.

– Живет где?

– Не помню, – ответил Журавлев, – не стану вводить вас в заблуждение, где-то на окраине...

– Когда хотите, можете культурно говорить, – пробурчал Жуков, – а то ведь словно с нелюдями какими обращались...

– Но я не знала, в связи с чем вы пришли!

Костенко поморщился:

– Это изящная словесность. Мой коллега интересуется адресом Доры. Нам надо ее найти, обязательно найти сегодня же. Это, надеюсь, вам понятно?

– Да, да, а как же! – ответил Журавлев. – Она очень важный свидетель.

– А вы что – не важные? – заметил Жуков, поднимаясь. – Тоже важные. Вы его на другой день видали?

– Конечно. Он приезжал за посылкой, – ответила Журавлева.

– Один? – спросил Костенко.

– Один.

Жуков вышел из квартиры – звонить.

– Что из себя представляет эта Дора? Какая она? – рассеянно продолжал Костенко.

– Никакая, – ответила Журавлева, и что-то жестоко-презрительное промелькнуло в ее глазах.

– Как понять? – спросил Костенко.

– Пегая она... Крашенная...

– Минчаков с чемоданом пришел?

Журавлевы переглянулись.

– По-моему, без, – сказал Журавлев.

– Нет, с чемоданом, – возразила женщина. – Мы еще смотрели, не уместится ли там и наша посылка, ты что, забыл?

– Да, забыл, – сразу же согласился Журавлев.

– Что у него было в чемодане?

– Я не помню, – ответил Журавлев.

– Там были рубашки, – ответила женщина. – Белая и синяя. Бритва была, электрическая бритва, и новые черные туфли с длинным носком.

– Это все, что вы запомнили?

– Да.

– Вы первым браком женаты? – спросил Костенко.

– Да, – ответили Журавлевы одновременно.

– А Минчакова помните еще с Весъегонска?

– Да, – ответил Журавлев.

– Вы там дружили?

Журавлевы снова переглянулись.

– Он там был моим соседом, – ответила женщина, – очень услужливый человек Миша Минчаков; подвезти, помочь – всегда готов.

– Вы знали его еще до знакомства с вашим мужем?

– Да, а что? – тихо спросила женщина.

– У него в Весъегонске никаких романов не было? Увлечений?

– Он же очень маленький, невероятно страдал от этого, как ребенок переживал, что не вышел ростом, – ответила

Журавлева. – Он ведь очень красивый... Когда сидел за столом и не видно было, какой он маленький, просто глаз от него не отведешь – так он был мил...

– Понятно, – задумчиво протянул Костенко. – Теперь давайте подытожим... Пришел к вам Минчаков в середине октября, точную дату вы не помните, видимо...

– Это была середина месяца, – сказала Журавлева. – Погодите, я ж накануне получала аванс, да, да, это было пятнадцатого или шестнадцатого октября...

– Значит, по вашей просьбе Минчаков перенес вылет на шестнадцатое или семнадцатое, так?

– Да, – ответила женщина и сделала маленький глоток из стакана; рука у нее теперь чуть дрожала. – Он поехал за Дорой...

– А в день вылета Минчаков приехал к вам вечером, взял посылку, и больше вы его не видели?

– Нет, – сказала Журавлева. – Не видали.

– Как вы упаковали посылку?

– В сумочке. Обшили материалом, крепко перевязали, нести удобно, совершенно не громоздко.

– Теперь постарайтесь вспомнить, о чем вы с ним говорили во время последней встречи?

– Да ни о чем, – ответила Журавлева. – «Спасибо, Мишенька, как погулял с подругой, когда вернешься, может, ее с собой возьмешь в море купаться?» Посмеялись – и все...

– Вы ему задавали эти вопросы, а что он вам на них от-

вечал?

– Ответил, что хорошо погулял, – сказал Журавлев, не отрывая глаз от жены, – сказал, что Дору с собою не возьмет...

– С ней, сказал, самолет не взлетит, – усмехнулась Журавлева, – такая она стала толстая, не следит за собой, хлеба ест по батону за один присест...

– Какая у вас девичья фамилия? – спросил Костенко.

– Кузина.

– А отчество?

– Сергеевна.

– Сколько времени Минчаков пробыл у вас в последний вечер?

– Он даже в квартиру не зашел, – ответила Журавлева. – Мы обмолвились парой слов на пороге...

Вернулся Жуков, кивнул Костенко; но садиться не стал.

– Что-нибудь новое?

– Да.

Костенко поднялся:

– Вы постарайтесь сегодня вспомнить все, что можете, начиная с того дня, когда познакомились с Минчаковым, – хорошо? Завтра с утра вы должны быть готовы к разговору, нас интересует все, абсолютно все...

Спускаясь по лестнице к машине, Жуков пробурчал:

– Ваш помощник, грузин этот, только что доложил из Москвы – по минчаковским аккредитивам он же, Минчаков, получил двадцать третьего октября деньги, все пятнадцать

тысяч, в Адлере и Сочи.

– На экспертизу подпись взяли?

– Этого он не сказал.

– Взяли, наверное... Теперь надо ваших в аэропорт отправлять, поднимать архивы билетных касс, что с минчаковским билетом случилось.

– Журавлевы дату точно назвали?

– А бог их знает. Надо смотреть начиная с четырнадцатого октября, день за днем...

– Нахлебаемся, – вздохнул Жуков. – Темное дело, просвета не вижу. Кобозевых этих самых Дор двенадцать...

– «Бульдозер» один, – усмехнулся Костенко. – Надо, чтоб ее сегодня же установили... А Журавлева покойника к Доре ревнует... И по пьянке он Спиридону не Дору называл, а Дину... И по инициалам одинаковы: ДСК.

3

Жена Жукова выглядела старше майора. В ней, однако, было заключено какое-то умиротворенное спокойствие – это сразу бросалось в глаза; весь облик женщины как бы располагал к тишине и отдыху.

– Молодцы какие, что вырвались, – сказала она, и не было в ее голосе ничего наигранного (она, конечно же, знала, что Костенко из Москвы, большой начальник, но встретила его просто, как, видимо, положено было в этом доме встречать мужа и его гостей).

– Пирожки со счем? – поинтересовался Жуков. – Лук с яйцом?

– «Лук с яйцом», – женщина добродушно передразнила мужа. – Сегодня мясо выбросили, говядину.

– Праздника вроде бы никакого не предвидится, а тут говядина, – Жуков пожал плечами.

Костенко тихо спросил:

– Как супругу *величают*, вы меня не представили.

– Она знает, как вас зовут, у всех сейчас на языке. А она – Ирина Георгиевна...

– Врач?

Жуков улыбнулся:

– Учительница. Замечали, у большинства сыщиков жены врачи или учителя?

Когда вернулись из ванной, Ирина Георгиевна уже разлила борщ по тарелкам, поставила на стол пирожки и горячую картошку, присыпанную луком.

– По рюмочке выпьете? – спросила она.

– Нет, – ответил Жуков, – в сон потянет, а у нас работы невпроворот.

– А ты чего за гостя говоришь? – сказала женщина. – Мильтон, одно слово!

Костенко рассмеялся:

– Ирина Георгиевна, второй мильтон тоже, увы, откажется – работы действительно много.

– Наше дело предложить, – сказала она. – Угощайтесь, пожалуйста.

– Борщ отменный, – сказал Костенко, – как украинец свидетельствую.

– Будто у нас борща не варят, – заметил Жуков. – Было б мяса поболее да сала, русские борщ вкуснее сделают...

– Тебе б все спорить, Леня...

«А я и не знал, что его зовут Леня, – отметил Костенко. – Бурею помаленьку».

– Еще подлить, Владислав Николаевич?

– С удовольствием. Вы, простите, что преподаете? Литературу?

– Нет. Математику.

– Всегда боялся математики, – вздохнул Костенко. – До сих пор страшные сны снятся – будто завтра надо сдавать

тригонометрию, а я ее ни в зуб ногой.

– Сейчас программа невероятно усложнилась, мне ребят жаль...

– Ты себя лучше пожалей, – сказал Жуков и пояснил гостю: – До трех часов ночи готовится к уроку...

– Ну уж и до трех... А вообще, мне кажется, зря мы так ждем ребят... У меня, знаете, мальчик есть в девятом «А», Коля Лазарев: и в самодеятельности талантливый, и стихи прекрасные пишет, а в математике тоже, как вы, слаб. Вот мне и кажется, надо бы специализацию вводить смелее, больше прав давать ребятам – еще в начальной школе выявлять себя, а то мы их стрижем под одну гребенку...

– А может, разумно это? Хотя и жестоко, слов нет, – задумчиво, словно бы себя спрашивая, откликнулся Костенко. – Мы хотим – причем всем, везде и во всем – наибольшего благоприятствия. И поэтому растим безмускульное поколение. Уповаем на мечтание, надеемся на помощь со стороны. Словом, ежели этот ваш Коля Лазарев – сильный, то выбьется; учителя помогут, да и потом, районо вам второгодника не простит, перетащите в следующий класс, на экзамене подскажите, шпаргалку не заметите... Если только он не развлекается, а действительно пишет стихи, то есть работает свое дело до кровавого пота, – непременно выбьется.

– Про безмускульность верно, – осторожно согласился Жуков. – Но и тому, чтобы поколение умело наращивать мускулы, надо помогать. Вот я из деревни родом, да? Так я

еще мальчишкой застал время, когда с дедом на базар ездил, сливы продавал – доволен был, за прилавком стоял, зарабатывал! А теперь? Считается, что, мол, детям зарабатывать ни к чему. Неверно это, баловнями растут, на родительских шеях сидят. Надо б сказать громко и открыто: «Валяйте!» Вон семнадцатая статья Конституции – открывай себе, дедушка с бабушкой, пенсионеры дорогие, домашнее кафе или пошивочную мастерскую – прекрасно! И пусть внуки, сделав уроки, бабушке с дедушкой помогут, мускулы порастят... А подите-ка в финотдел, спросите разрешения? Затаскают по столам, замучают, пропади это кафе пропадом! А как бы нам всем жить стало легче, открой таких кафе в городе штук пятьсот! Семейное кафе, собираются, как правило, люди друг другу известные, там хулиганство как-то в схему не укладывается, в семейном кафе и стены добру помогают...

– Заберу я вашего благоверного в Москву, – сказал Костенко хозяйке. – Говорит так, будто мои мысли читает.

– Слишком уж разошелся, – сказала Ирина Георгиевна, – сейчас все такие смелые стали...

– Разве плохо? – удивился Костенко. – По-моему, замечательно, что стали смелыми...

– Поди выпори смелого, – вдруг улыбнулась Ирина Георгиевна. – А нас пороть надо... У меня в прошлом году кончил десятый «В» Дима Романов, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я теперь на заводе работаю, боль-

ше вас получаю, Ирина Георгиевна, сто шестьдесят!» А от него винищем несет, от чертенка! Я ему говорю: «Как же можно в школу приходить пьяным?» – а он мне: «Я теперь рабочий, гегемон, нам все права, Ирина Георгиевна, ваше время кончилось».

– Я б такого гегемона за чуб оттаскал, – сказал Жуков. – Дрянь экая!

– За чуб таскать – старорежимно, – хмыкнул Костенко, – а вот гнать с работы за пьянство – давно пора, иначе поздно будет.

– Поди прогони, – сказал Жуков. – Мастера с директором по инстанциям затаскают: «Должны воспитывать!» А как алкаша воспитаешь? Он социально опасен, он разлагает все окрест себя, а уволить – не моги! И все тут! И со школой вы правы – обстругиваем всех под одно полено: может, Пушкин родился новый, а его заставляют алгебру по особой программе штудировать... Таланты надо нежить, а мы их дрыном по шее, утилитарностью школьной программы... Хотя вы правы – сильный пробьется. Но он станет жестоким. Разве можно представить себе, чтобы сельский врач или учитель – со своими ста двадцатью рублями зарплаты – пришел на работу с похмелья или в перерыв поправился махонькой?!

Когда Ирина Георгиевна принесла чай, Костенко спросил Жукова:

– Заметили, что сейчас, когда три человека собираются, сразу начинают говорить о том, что наболело?

– Толк каков?

– Есть толк, – убежденно ответил Костенко. – Количество говорящих о том, что болит, не может не перейти в качество – то есть в открытую борьбу против тех очевидных глупостей, которые нам мешают, словно гири на ногах волочим. А вообще, проблема «думского дьяка» – родоначальника нашей бюрократии – область, еще социологами не изученная, от него, от бюрократа, идет постепенность, а она не всегда угодна прогрессу. Я не могу взять в толк, – и не один директор завода в толк взять не может, – отчего нельзя пьяницу и лентяя прогнать, а его зарплату передать другим членам бригады? Ну почему? Где логика? Дьяк не может позволить, чтобы произнеслось слово «безработный». «Как это так, а где завоевания революции?!» В том они, завоевания-то, что рабочих на каждом предприятии с распростертыми объятиями ждут, все права и блага им предоставлены, а гнать надо тех, кто пьет, а не работает, но при этом рубашку на груди рвет: «Я – гегемон!»

Зазвонил телефон.

Жуков затянул галстук, поднялся:

– По нашу душу, полковник, едем.

4

– По-моему, именно эта дама и есть Дора-«бульдозер», – сказал Костенко, отложив одну из двенадцати фотографий, привезенных из районов сыщиками. – Вам не кажется, майор?

– А бог ее знает. Поедем, выясним.

В машине Костенко, зябко закутавшись в плащ, спросил:

– Кстати, по отчеству вас как?

– Иванович.

– Леонид Иванович?

– Алексей Иванович. Леней меня только жена называет.

– Ну, значит, с Мишей Минчаковым я познакомилась у меня дома, – сказала Дора, – он с ветеринаром Журавлевым приезжал... А потом я его к Григорьевым пригласила, он им после мясо с рудника привозил, оленину; брал не дорого, по пять рублей за кило... Ну, значит, слово за слово, он деньги получил, говорит, может, сходим в кино, а это в субботу было, ну, я и согласилась, мы «Гамлета» смотрели и мультики, а потом он говорит, может, посетим ресторан, но там мест не было, в кафе тоже очередь стоит, поговорить, значит, негде, ну, он и говорит, может, к Григорьевым зайдем, и зашли, конечно. Посидели, поговорили, выпили немножко... Он потом как приезжал в город, всегда меня через Григорьевых

находил. А в чем дело-то?

– Сейчас объясним, – сказал Жуков. – Только сначала давайте уточним: вам тридцать три года, родились в Иркутске, сюда приехали семь лет назад, здесь развелись, работаете в ателье мод, живете с дочерью от первого брака и с матерью мужа. Верно?

– Верно.

– С Диной Журавлевой давно познакомились? – спросил Костенко.

– Ну, значит, точно сказать не могу, год, наверное. Миша меня с ней в магазине познакомил, когда мы брали вино и сырки, к Григорьевым шли гулять...

– Давно Мишу не видали? – спросил Жуков.

– Давно! С осени. Он как в отпуск улетел, так и не вернулся.

– Вы что, на аэродром его проводили? – поинтересовался Костенко.

– Нет, мы его в таксомотор посадили.

– Это кто – «мы»? – спросил Жуков.

– Григорьевы и Саков.

– Григорьевы где живут? – спросил Жуков.

– Григорьевы-то? Ну, значит, как с улицы Горького повернете, так второй дом, они на седьмом этаже, у них еще балкон с навесом, они там зимой мясо держат...

– Дом девять, что ль? – спросил Жуков. – Блочный, серый?

– Он, – обрадовалась Дора, – блочный!

Жуков вышел. Костенко предложил женщине сигарету, она закурила.

– Вспомните, пожалуйста, вашу последнюю встречу, Дора Сергеевна, – сказал Костенко. – Это когда было? Пятнадцатого октября? Или шестнадцатого?

– Я не смогу... Так точно-то... Вроде бы в октябре, дождь со снегом шел, а когда именно, не помню... Ну, значит, он приехал грустный, с похмелья, сказал Григорьевым, что летит на море, в отпуск, спросил, где я, они сказали, на работе. Ну, значит, он пришел, спросил, не хочу ли я с ним встретиться, я говорю, чего ж нет, давай. Он говорит, значит, у Григорьевых останемся, а я ответила, ладно. Ну, он купил плавленых сырков, печенья, вина, у меня смена пораньше кончилась, пошли к Григорьевым, выпили, закусили, остались у них. Высоцкого играли, Саков пришел, взяли пошок, ну и распрощались...

– Он никуда не собирался заехать по дороге на аэродром?

– Нет, он только хотел какую-то металлическую мастерскую найти, у него замок на чемодане сломался, боялся, как бы чемодан в багажном отделении не раскрылся, а он туда аккредитивы сунул, чтоб с корешками вместе не держать, так все советуют – корешки от чеков поврозь.

– Когда у него был рейс, не помните?

– Да вроде б ночью.

– А чего ж он в семь уехал?

– Ну, значит, во-первых, пойдя, таксомотор поймай, а потом он в мастерскую же хотел...

– Телефона у Григорьевых нет?

– Они, значит, повара, на кой им?!

– А вы у Григорьевых потом долго сидели?

– Да нет... Высоцкого еще маленько послушали и разошлись.

– А Саков? Он первым ушел?

– Нет, он, значит, остался, поскольку промерз, когда таксисту помогал мотор чинить. Миша-то волновался – такси есть, а не едет... Ну а Саков помог. И остался у Григорьевых, значит, чайку с коньяком попить. А я пошла к ребенку, ночью-то не была, надо узнать, как там... А в чем дело?

– Дело в том, что Минчакова в тот день, когда он от вас уехал, убили.

– Ох, – женщина даже сделалась меньше ростом – так осела она на стуле. – За что ж, маленького-то, а?! Такой ведь хороший был человек, тихий... Вот судьбина проклятая, только увидишь доброе сердце – так на тебе, забивают...

С Григорьевыми работал Жуков. Сакова – заместителя начальника отдела главного технолога – разыскали только в одиннадцать часов, разбудили – он рано ложился спать, потому что на фабрику приходилось добираться сорок минут, а смена начиналась в восемь, пообещали дать справку об освобождении от работы, привезли в управление.

Костенко тянуть не стал, начал с вопроса:

– Вы таксиста, который Минчакова увез, помните?

– Какого еще Минчакова? – не понял Саков.

– С которым в прошлом году у Григорьевых встретились...

– Ах, это такой маленький, в сером костюме?

– Именно.

– Как вам сказать? Конечно, много времени прошло, трудно точно ответить... Я больше в моторе ковырялся, свечи бабахнули... Кряжистый мужик, лет пятидесяти, вежливый...

– Волосы какие?

– Не седые еще... Нос не очень большой, вроде как боксерский; в кожанке... Хотя они тут все в кожанках, это у них как униформа...

– Номер машины запомнили?

– Да нет же, зачем? А отчего вас все это интересует?

– Нас это все интересует потому, что вы и Григорьев были

последними, – шофер, конечно, тоже, – кто видел Минчакова живым. Он до аэродрома, видимо, не добрался, его труп нашли на полдороге, расчлененный труп...

– Вот ужас-то! Так, погодите, погодите-ка, кольцо вроде бы у шофера было на руке... Или я с другим путаю?

– Ну а что еще?

– Знай, где упадешь, – соломки б подстелил...

– По фотографии *легко* узнаете? – нажал Костенко.

– Узнаю наверняка, в нем что-то такое есть...

– Зловещее?

– Нет, не так. Запоминающееся.

«Про “легко” я ввернул вовремя, – удовлетворенно подумал Костенко, – я помог ему увериться в себе самом. Если бы я просто спросил: “вспомните ли”, он мог *заплавать*, начал бы самоедрствовать и сомневаться. Всегда надо давать человеку не один шанс, а два».

– Когда вы вернулись домой в тот день?

– Вы подозреваете меня?!

– Я выясняю обстоятельства дела. Вы, Дора, Григорьевы, Журавлевы и шофер были последними, кто видел Минчакова. Понимаете, отчего я так интересуюсь всеми подробностями – малосущественными на первый взгляд?

– Но я ничего не помню, товарищ полковник! Опросите соседей, может, они вам помогут! Почему б не спросить Григорьевых? Дору?!

– Спросили.

– Так ведь она должна помнить больше! И Григорьевы давно его знают.

– С Григорьевыми сейчас беседует мой коллега... Вы не помните, о чем шла речь у Григорьевых, когда вы пришли туда, чтобы проводить Минчакова?

– Да не провожал я Минчакова! Я его в первый раз увидел! Я случайно к Григорьевым зашел! Ну, помог пьяному человеку поднести чемодан, ну, в моторе таксиста поковырялся... О чем говорили? Пустое, болтовня... Я ведь к Григорьеву захожу только потому, что мы с ним вместе на рыбалку ездим, он незаменим как рыбак... Общих интересов у нас нет... Высоцкого слушали – это я помню, но сейчас, по моему, его все слушают: и те, кто хвалит, и те, которые ругают... Мне кажется, Минчаков рассказывал, как он мечтает залезть в теплое октябрьское море... Ну убейте, не помню больше ничего!

– Убивать не стану, – пообещал Костенко, – но попрошу напрячь память и сосредоточиться.

– А вы можете вспомнить подробности беседы, которая состоялась полгода назад с людьми, вам совершенно не близкими?

– Если бы мне сказали, что один из этих людей был убит через час или два после того, как я посадил его в такси, – вспомнил бы.

– Ну хорошо, ну погодите... Я пришел, они сидели за столом, дым коромыслом, сразу видно, с утра гуляют... «Са-

дись, дорогой, будешь гостем!» – «Да нет, надо домой, сегодня свободный вечер, хочу грузил наделать и крючки посмотреть на форель, слишком уж блестящие, может, стоит покалить». – «Не надо, я банку красной икры достал, форель ее с пальца хватать будет. Знакомься». Познакомились. Минчаков этот был поддатый. Грустный какой-то. Может, и не убивали его, а сам погиб?

– Сам же себя на куски и разрубил?

– Да, идея никуда не годится... Нет, положительно, кроме разговора о крючках для форели и банке красной икры, я ничего не помню... И Минчаков этот самый, и Дора какие-то безликие. Она все время к нему приставала, он ее рукой отводил: «Погоди, скала, дай мне отдохнуть, ну что ты такая настырная? Женщина должна отказывать, тогда она в цене...»

– Дора обиделась?

– Нет, по-моему. Смеялась. «Дурачок, чего от добра добро ищешь? Цени тех, кто к тебе льнет».

– Вот видите, как много вы вспомнили, – заметил Костенко. – А что было, когда уехал Минчаков?

– Дора ушла чуть не сразу... Я побыл еще часок, отогрелся и поехал домой... Погодите, погодите, когда я уходил от Григорьевых, их сосед из квартиры напротив, его зовут Дима, он с нами иногда ездит на рыбалку, сказал нам: «Парни, есть возможность достать японскую леску, входите в долю?»

– Ну? Вы вошли?

– Конечно. И я и Григорьев.

– Деньги отдали сразу?

– А он просил не в деньгах... Коньяком просил.

– Когда вы ему принесли коньяк и сколько?

– Назавтра. Две бутылки армянского, три звездочки...

Соседа Григорьевых действительно звали Дима, Дмитрий Евгеньевич Зиновьев. Коньяк он отдавал боцману судна, ходившего рейсом на Японию. Звали боцмана Григорий Николаевич Артамонов. Оба подтвердили показания Сакова.

Дора вернулась домой в восемь часов и больше из квартиры не выходила – это сказала и соседка по площадке, Усыкина Матрена Александровна, и мать ее бывшего мужа.

Костенко, вышагивая по коридорам управления, зло думал! «Вообще-то у меня чудовищная работа: прежде чем отвести человека, даже если он и симпатичен мне, я должен его подозревать, я обязан ввести его в версию: шофер такси – сообщник, отъехал сто метров, остановился, пришел Саков, и вдвоем прикончили беднягу Минчакова. А зачем? С целью грабежа. Но что у него было в чемоданах? Саков этого не знал, шофер такси тем более. Кто мог знать? Дора? Значит, она сообщила Сакову? Или шоферу? А когда она лазала в его чемодан? И где он хранил самородок, – если именно он купил или украл, – тот, что привез Дерябин? Нет, тут сплошные дыры. И все показания, сдается мне, искренние. Шофер был последним человеком, который видел Минчакова. Он мог отвезти его в металлическую мастерскую, там

открыли чемодан, именно там увидели корешки аккредитивов и самородок. Почему нет? Вполне возможно. Нет, шофер нужен».

С этим Костенко и вошел к Жукову, который беседовал с Григорьевыми.

Жуков поднялся, хотел было доложить, но Костенко остановил его, спросив:

– Разрешите присутствовать?

– Конечно, товарищ полковник. Может, вы поведете беседу?

– Если позволите, я задам несколько вопросов...

– Пожалуйста.

– Впрочем, вполне вероятно, что вы уже обсуждали это...

Меня интересует, как прошел остаток вечера, после того как уехал Минчаков?

– Это мы обсудили... Владимир Афанасьевич, – обратился Жуков к Григорьеву, – расскажите-ка еще раз.

Толстый, потный Григорьев страдающе посмотрел на жену – такую же толстую и потную, вздохнул:

– Чего ж дважды об одном и том же? Ну, вернулись, когда Миша уехал; Дорка ушла, у ней ребенок и свекровь сволота, не дает бабе жизни. Саков замерз, шофер в моторе плохо разбирался, он ему и помог машину завести, ну, я его после этого отпоил горячим чаем с коньячком, потом он ушел, а мы с Зиной начали мыть посуду, за день всю посуду напачкали, гуляли от души...

– А когда вы Диме коньяк отдали? – спросил Костенко.

– В тот же вечер, как Сакова проводил... Димка к нам потом зашел, сказал, что можно и крючки японские достать и лески.

– А Саков когда бутылки передал?

– Так это вы его спросите... Назавтра, верно, передал, потому что в субботу у него леска была, тоненькая, японская, а Димка без коньяка не отдаст, он на слово не верит...

– Второй вопрос, – сказал Костенко, испытывая отчего-то радость за Сакова – тот был растерянный, жалкий, но всячески пытался сохранить достоинство. – Дора помогала Минчакову упаковывать чемодан?

– Нет. Ты видала, Зин? – спросил Григорьев жену.

– Думаете, ей интересно на его грязные рубашки смотреть? – усмехнулась Григорьева. – Она ж любила его, жалела...

– А он? – спросил Костенко.

– Мужик и есть мужик, – вздохнула Григорьева. – Где плохо лежит, то и возьмет... Кому он был нужен-то, карлик? А Дорка к нему с сердцем, от всей своей одинокой бабьей души...

– Вы Журавлевых хорошо знаете? – спросил Костенко.

– «Здрасьте», «до свиданья», – ответил Григорьев, вопросительно посмотрев при этом на жену.

Та, заметив, как Костенко и Жуков переглянулись, одновременно зафиксировав этот быстрый, осторожный взгляд

мужа, ответила:

– Вы только не подумайте чего... Он, – она кивнула на мужа, – знает, что я их не люблю, а мужики все на нее, на Динку, заглядываются... Мне и за Дору обидно было, когда она к Минчаку со всей душой, а он по Динке вздыхал.

– Саков от вас пешком ушел или вызвал такси? – спросил Костенко.

– Пешком.

– А кто может подтвердить, что он пошел домой? – жестко спросил Костенко, ярясь на этот свой вопрос – увы, необходимый.

– Я, – ответил Григорьев. – Он портфель свой забыл, я его отнес ему, еще Зина сказала: «Пойди пройди, ты ж еще не протрезвел».

– Что делал Саков, когда вы к нему пришли?

– Спал. Он рано ложится.

– Долго вы у него пробыли?

– Да нет, отдал портфель и ушел...

– Ой, конечно, портфель он мне принес, – обрадовался Саков, сидевший в кабинете Костенко – гора окурков высилась в пепельнице, дым плавал слоистый, фиолетовый, тяжелый. – Я совсем об этом забыл!

Журавлева – Костенко приехал к ней около двенадцати – была в халатике уже, лицо намазано густым слоем питательного крема.

– Простите за поздний визит, – сказал Костенко, – но мне нужно уточнить еще одну деталь.

– До утра не ждет? – женщина пожала плечами. – Проходите.

– Спасибо. Супруг уже спит?

– Супруг работает в вечернюю смену, – как-то усмешливо выделив слово «супруг», ответила Журавлева, – он вернется с минуты на минуту.

– А в тот вечер, когда к вам приезжал Минчаков, супруг, – Костенко специально повторил столь неприятное Журавлевой слово, – был дома?

– Мы ведь ответили на этот вопрос. Да, мы были вместе.

– Нет, я имею в виду тот вечер, когда Минчаков забрал у вас посылку...

Журавлева поднесла руку к виску, лоб ее сжался морщинами, которые стали особенно заметны из-за слоя крема:

– Да.

– А вы Минчакова проводили к машине?

– Нет. Я видела из окна, как он сел в машину...

– Шофер был за рулем?

– Я не видела.

– Меня интересует – к вам вместе с Минчаковым шофер не поднимался?

– Нет.

– Значит, лица шофера вы не видали?

– Нет.

– И номера такси не запомнили?

– Нет.

– Ну, извините, – сказал Костенко и поднялся.

Ранним утром следующего дня Костенко все же решил не вызывать Крабовского в УВД, потому что дважды прочитал его показание, как тот увидал мешок с трупом; с человеком, который столь пространно и увлеченно пишет, надо разговаривать, аккуратно направляя беседу в нужном для дела направлении, а в служебном кабинете такой разговор вряд ли получится.

– Крабовский? – удивленно переспросили Костенко в институте. – Так он в библиотеке, он там проводит все время!

– Почему именно в библиотеке? Разрабатывает новую тему?

Девушки – видимо, лаборантки – посмеялись:

– У него каждый день новые темы. Сейчас он хочет доказать, что и языкознание связано с проблемой бюрократии – то есть с потерей качества времени, похищенного общественно полезного труда.

– А что? – улыбнулся Костенко. – Интересная тема...

...Крабовский был обложен книгами; несколько минут Костенко наблюдал за тем, как тот работал, подивился стремительной точности движений «кладоискателя», его прекрасным прикосновениям к словарям и тетрадам.

– Алексей Францевич, – окликнул его Костенко. – Я – по вашу душу.

– Верите в существование души? – мгновенно среагировал Крабовский, не поднимая головы от страницы. – Прекрасно, есть тема для беседы. Но только завтра, сегодня я занят.

– Завтра я занят. Увы. А поговорить надо...

– «Поговорить надо», – повторил Крабовский, чуть отодвинул книгу, снял очки. – Вы из уголовного розыска? Вполне типичная фраза вашей номенклатуры: «Надо поговорить».

– Потому-то я к вам и пришел, что вы – логик в абсолюте.

– Хотите завоевать меня такого рода заключением? – спросил Крабовский. – Я, кстати, – с точки зрения логики в абсолюте, – исследовал вопрос: каким образом стареющая эстрадная звезда может удержать аудиторию? И вывел закон: она должна окружить себя пятью обнаженными кордебалетчицами, с налитыми мускулами. Таким образом старушка привлечет на красавцев молодых девушек – тем угодно обозрение сильного мужского тела. И пожилые дамы потащат мужей на спектакль: «Смотри, как она держится, несмотря на возраст!» А поскольку женщин больше, чем мужчин, – нас с вами периодически отстреливают на фронтах и доводят до инфарктов на совещаниях, – лишь они, прекрасный пол, определяют успех или провал любого зрелищного предприятия. Впрочем, к чему это я? Ах, да, логик в абсолюте! Присаживайтесь, что у вас? Я ведь уже описал то, что помнил.

– А мне бы хотелось вас еще раз послушать.

– Полагаете, что, как всякий интеллигент, я говорю лучше, чем пишу?

– Не надо приписывать мне те мысли, которые не приходили в голову. Это, кстати, тоже типично для женщин...

– Мужчина не может мыслить категориями женщин – язык явление не только социальное, но и – в определенном роде – физиологическое.

– Плохое слово – в приложении к понятию «язык».

– Ха! – Крабовский ударил себя по ляжкам, засмеялся деревянно. – Ха! Чудо! Прелесть! Мир повторяем! Фамилия Шишков вам что-нибудь говорит?

– Нет.

– Спасибо. Ценю людей, которые не смущаются признать незнание. Адмирал Шишков, автор трактата «О старом и новом слоге», главный враг Карамзина. Он тоже какие-то слова считал плохими и невозможными в употреблении. Он, например, требовал изъять из русского языка такие слова, как «развитие», «религия», «оттенок», «эпоха»; вместо этих отвратительных заимствований из языка «похабной Европы» следовало вернуть в обиход «умоделие», «прозябание»; вместо «аллея» надобно было говорить «просада», не «аудитория», а «слушалище», вместо «оратор» – «краснослов». Адмирал заключил, что, мол, надобно «новые мысли свои выражать старинных предков наших складом». Ладно бы печатал свои теории, так ведь возвел вопрос о слоге в предмет государственного интереса; языковые нововведения отождеств-

лял с изменою вере, отечеству и обычаям... Он даже слово «раб» определил так, как это было угодно государю и дворцовой дряни. «Раб» – по Шишкову – происходило от «работая», то есть «служу по долгу и усердию»; таким образом, нет в России никакого рабства, крепостное право – выдумка злодеев-французов, поскольку на Руси живут лишь усердные и жизнерадостные слуги «отцов-патриархов»...

– Любопытно, – откликнулся Костенко.

– Знаете, кто первым выступил против Шишкова?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.